

12+

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

БЫЛИННЫЕ БОГАТЫРИ

НОВОЙ ФОРМАЦИИ

БОГАТЫРСКАЯ РАБОТЕНКА

АЛЕКСЕЙ

ЗУБКО

Алексей Зубко

Богатырская работенка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63027488

SelfPub; 2020

Аннотация

Обыкновенные, хотя и совершенно несхожие характерами парни злой волей Кощея Бессмертного попадают в сказочный мир. Где, как прекрасно известно, леший бродит и ведьма на метле сидит... К новой реальности и без того сложно приспособиться, а тут еще и главный злодей вознамерился сжить их со света. Вот и пришлось парням осваивать основы героического бытия, по ходу дела обзаводясь друзьями, влипая в неприятности и спасая мир.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	22
Глава 1	23
Глава 2	39
Глава 3	51
Глава 4	69
Глава 5	82
Глава 6	100
Глава 7	108
Глава 8	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Пролог

Дела давно минувших дней в преданьях старины седой

Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок...

Намек:

Родила царица в ночь царю сына, шуту дочь...

По мотивам А. С. Пушкина

Иван-дурак почесал шиобак, поднял кулак и изрек:

– Я сказал – да будет так!

И стало так, как повелел дурак.

Так, по крайней мере, поют бояны и утверждают летописцы.

Но на самом деле все происходило несколько иначе.

Как?

А вот так...

Иван-дурак поднял над головой меч-кладенец и, потрясая им, с надрывом в голосе воззвал к небесам:

– Ну поимейте же совесть! Сколько можно, в конце-то концов?!

Небеса не ответили. Они вообще редко снисходят к тем, кто копошится под ними. Разве что со стороны подозрительно низко клубящейся тучки донеслось скрипучее воронье «Ка-а-ар!!!» Потревожил добрый молодец, видите ли, криком.

Не получив ответа на претензию, Иванушка-дурачок почесал буйну голову и пнул лежащую у ног кучу ржавого металлолома, в котором с трудом угадывались рыцарские доспехи эпохи крестовых походов и прочих экскурсионных затей рыцарских орденов средневековья.

Похожий на прохудившееся ведро шлем, подпрыгивая на кочках и теряя перья и заклепки, полетел в близлежащий пруд. Испуганные таким поворотом событий лягушки дружно зарылись в прибрежный ил, оставив глубоко законспирированную под листом кувшинки разведчицу. Не зря лягушечья мудрость гласит: «Кто владеет информацией – тот владеет болотом». Непокойные ныне времена настали. Давеча сестра вот так же попалась какому-то Емельяну; так он ее до нервного срыва довел речитативом: «По моему хотению, по жабьему велению, стань передо мной, без одежды и босой... сделаю тебя женой». Форменное безобразие! Ну это еще что... Вот прошлым летом их пруд посетила с визитом жаба-интуристка, так она вообще про дела чудные рассказывала. Они там все, в болоте за бугром, малость чудаковатые, но такое... беспредел, одним словом. Так вот, то ли царевич из местных, то ли «принц» заморский, повадился в зеленых красоток из лука стрелять. Подстрелит какую – тотчас изловит... и давай лобызать аки супружницу под покровом ночным. Срамота! А потом дивится: «А чего это они такие зеленые и взаимности не проявляют?» Проявишь тут, со стрелой в одном месте... Так что лучше побережь честь девичью во

глубине болотных вод.

Изрубленная вдоль и поперек кираса не последовала за шлемом. Издав предсмертный скрип и стон, она рассыпалась волной стружки.

Кольчужные накидка и юбка брызнули во все стороны звонкой волной колечек и коротких цепочек. И на звук, и на вид прямо перевернувшийся лоток с пятикопеечной бижутерией.

Рахитичное тело, до сего момента скрывавшееся в недрах металлолома, издало странный гулкий звук, который лишь при богатом воображении можно принять за проявление жизни, которая еще теплится в нем. Такие звуки издают старые барабаны, кожа которых задубела и потрескалась, вот и стонет от перепадов давления.

Иван посмотрел на поверженного противника и тяжело вздохнул: «Сколько кровушки ты у народа попил, кровопийца... а сколько еще попьешь?»

При росте весьма и весьма за два метра, лежащий у ног богатыря старик худ как мумия какого-нибудь Рамсе-са древнеегипетского. Сходство с последним подчеркивает рваное тряпье, в которое тело замотано. Лишь присмотревшись очень внимательно, можно обнаружить среди множества рваных прорех дыры, оставленные тем же рубящим оружием, которое превратило доспехи в готовый к переработке металлолом.

Иван-дурак поднял тяжелый, задумчивый взгляд от непо-

движного тела вверх и с сомнением посмотрел на зажатый в правой руке меч-кладенец. Сияющий лунным светом клинок зазвенел от обуревающей его кровожадности. Не из-за характера злобного – исключительно ради торжества справедливости и мира во всем мире. А тут еще заброшенный за спину щит по прозвищу Щит-Непоразит подал совет, которого у него не просили:

– Не тяни! Руби злыдня в капусту-у-у...

Но Иван, несмотря, что прозываемый дураком, таковым не являлся. То, что к людям с доверием излишним относится и с любовью, так это по простоте душевной, а смекалки ему не занимать. Да и то сказать, как бы Иванушка-дурачок столько подвигов совершил, что прижизненно в сказки попал? Черного пиара в те счастливые времена не существовало. Да и СМИ состояли из двух-трех десятков бродячих боянов, сопровождающих повествование почему-то не игрой на баяне, а брэнчанием на гусях, да сказателей – эти новости между населенными пунктами переносили. Были еще нескончаемые орды кумушек, которые все знают и делятся непрошенными знаниями вперемешку с собственными предположениями и догадками со всеми встречными и поперечными. Но они действуют лишь в ограниченном социуме родного поселения. Вот и выходит, что Иван-дурак славу заслужил отвагой богатырской, удачью молодецкой, да хитростью невиданной.

Бросил добрый молодец Иван меч-кладенец в ножны и

вновь обратился к небесам:

– Ответьте мне, доколе будет продолжаться сие безобразие?

Во второй раз промолчали небеса. Лишь тучка опустилась еще ниже, задевая лохматым брюхом верхушки высокорослых сосен.

А вот распростертый у ног богатыря старик, с цветом лица несовместимым с жизнью, неожиданно распахнул складчатые веки и обратил к Ивану блестящий взгляд черных глаз. Бездонные зрачки не оставили в глазных яблоках места каким бы то ни было отблескам света и проявлениям доброты. Бледные губы разошлись, обнажив острые как у вампира и желтые как у бобра зубы, и из черного провала рта донесся нечеловеческий лающий вой.

– Уууйю!

Иван-дурак отступил на шаг и крепче сжал рукоять меча-кладенца. Даже с завязанными на узел ногами Кощей Бессмертный оставался очень опасным противником. Обратиться зверем диким он уже не сможет, а вот укусить...

– Чего тянешь? – поинтересовался поверженный злодей, кривя рот в злобном оскале. – Руби уж... а то может отпустишь? Оно и домой на пару веселее идти будет.

– Не слушай его, – взвыл рельефный тигриный лик, украшающий центральную бляху щита-непорозита. – Бей! Кроши! Руби, Кощей вражину!

– Цыц! – не на шутку рассердился Иван. – Что за муха

тебя сегодня укусила?

– Если бы одна, – вздохнул щит, – и если бы укусила...

Иван-дурак сочувственно вздохнул и пнул Кощея Бессмертного лаптем. А лапти-то у Вани непростые: мало того что размера пятидесятого, так и поверх лыка тщательно полосками железными усилены, чтобы сносу не было. Тщедушное тело поверженного злодея подлетело на полметра и с грацией супового набора рухнуло обратно. Отравленный кинжал, который Бессмертный пытался незаметно вытащить из-под портянки, отлетел в пруд, где и воткнулся в шлем. Спустя минуту из воды, словно ошпаренные, повыпрыгивали лягушки, ставшие из зеленых – нежно-розовыми. Еще через две минуты всплыли вверх брюхом обе золотые рыбки, неизвестно каким образом оказавшиеся в этих краях. Наблюдать за тем как спустя полчаса снимутся с насиженного камыша комары и подадутся в тайгу, Иван-дурак не стал. Недосуг.

Прочистив горло, добрый молодец набрал в богатырские легкие воздуха и поставил вопрос ребром:

– Когда?!

– Да-да-да! – с вызовом поддержало крик Ивана далекое горное эхо, вызвав преждевременный сход лавины.

От такой постановки вопроса Кощей Бессмертный так растерялся, что подавился ядовитой слюной, которую вот уже битых (или лучше сказать «битый»?) полчаса собирал во рту. Злодей намеревался оплевать котомку Ивана и таким способом оставить без провианта за десять конных перехо-

дов, которые отделяют богатыря от ближайшего поселения. Поскольку дымящиеся за спиной Кощея руины злодейского замка за такое можно было не считать. Уж очень зол был Ваня, когда добрался-таки до злодея и обнаружил, что темница в его замке переполнена. В первых же покоях Ивану-дураку попалась томящаяся в одиночной камере принцесса из-за бугра. Она так и сказала – томно, едва увидав доброго молодца на пороге своей комнатухи: «О-о-о! Ванья, супер гуд рашн бой!». Дрогнуло сердечко дурака, но он мужественно взял себя в руки и освободил остальных узников. Трех принцесс на выданье и одну на горошине, двух королевен в подвенечных платьях и одну уже без оногo. Какого-то графа, пожелавшего остаться инкогнито, и сопливого мальчугана, оставившего автограф на стене камеры. Двух смиренных старушек, пытавшихся вручить ему бересту «Атакующий подкоп», которых Иван тоже без лишних разговоров отпустил восвояси, хотя они этому и противились. А также: бродячего торговца ненужным товаром по «сниженным» до баснословных ценам, кощеева соседа, неудачно зашедшего на огонек, бригаду строителей «Трое из ларца», за сутки построивших замок и вот уже второй год ждущих окончательного расчета и некомплектную группу прислуги. И, конечно же, Василису Прекрасную, после замужества планирующую стать Василисой Премудрой. Но поскольку до того времени, когда на царствие взойдет Ярослав, и она сможет быть при нем, пройдет не один век, то... Но в справедливости такого прозвища

уже и сейчас не приходится сомневаться. Василиса Премудрая и Прекрасная единственная, кто на Иванов вопрос: «Где этот?» – сразу ответила: «Такие звуки издают болота, когда по ним пробирается Кощей». Если бы не она – ушел бы Бесмертный. Прыг-скок с кочки на кочку, и сбежал. А так настиг злодея Иван-дурак у самой окраины болот – у пруда.

– Ну так чё?! – еще громче спросил у небес Иван-дурак. В незамутненной излишним образованием светлой голове зародился и с каждым мигмом начал обрастать базисом атеизм.

Из густых клубов подозрительной тучки высунулось лицо с седой окладистой бородой и белыми как лунь волосами, перехваченными на затылке кожаным шнурком. Небожитель обреченно вздохнул и спросил:

– Шо «чё»?

– Вот это другой разговор, – обрадовался Иван-дурак, довольно потирая ладони. Каждая как ковш небольшого экскаватора. Если такими ручками вареников налепить, то варить каждый в отдельном котле придется. Зато и накормить им десяток-второй человечков небогатырской закваски можно.

– Ладно уж, – махнул рукой высунувшийся из тучки по пояс Сварог, – говори, я внимательно слушаю.

– Так дело не пойдет! – нахмурился Иван. – Послушаешь, как прошлый раз, головой покиваешь... и все.

– А ты чего хотел? – удивился небожитель, вздернув кверху кустистые брови. Отец богов привык к тому, что ему повсеместно почтение выказывают, а если и просят о чем-то,

то именно просят, а не требуют. Если бы он бывал чаще среди людей, то знал бы, что на Руси издревле дуракам почет и уважение никак не меньше нежели богам, а иной раз и больше. Ведь они свои, родные...

– Помощи, – категорично заявил Иванушка-дурачок, рукавом стерев с чела пот. Покосился на меч и сунул его в ножны.

– Ну, это не ко мне...

– А к кому? Кто ответит, сколько еще мне терпеть эту несправедливость?

Сварог печально вздохнул, но не нашелся, что ответить. На языке крутилось: «Он терпел и вам велел», – но кто этот таинственный «он» отец богов славянского пантеона забыл. А учитывая тот факт, что он этого и не знал, то сразу станет ясно, к какому результату привела попытка вспомнить.

Зато Кощей Бессмертный молчать не был намерен. Не скрывая высокомерного презрения ко всем окружающим, он с присвистом, делавшим речь похожей на змеиное шипение, произнес:

– Всегда. Ибо я зло в чистом его проявлении...

– Да ты хоть помнишь, когда последний раз мылся? – высунулась из-за Сварогова плеча круглолицая обильная в районе бюста баба, в которой Иван-дурак с восторгом узнал Мокошу.

– Э... – смутился Кощей и попытался закопаться в груду стружки. Без своих неизменных доспехов он в присут-

ствии представительниц прекрасной половины чувствовал себя неуютно. – Все равно я зло. А зло неискоренимо. Потому что я бессмертен. Ты думаешь, Ваня, ты первый такой дурак? В смысле, герой. Так знай же: сотни их до тебя приходили и убивали меня, а я каждый раз возвращался, еще сильнее, хитрее.

– Да это понятно, – отмахнулся Иван. – Тоже мне, «Великую тайну» открыл... Но ведь я тебя уже сотню раз побеждал. Может хватит? Сделай небольшой перерывчик между воскрешениями. Хочу отдохнуть. Детишек помянуть...

– И когда ты успел? – удивился Кощей.

– С тобой успеешь... – не очень понятно вздохнул добрый молодец, бросив быстрый взгляд на застывшую у дымящихся руин Василису Прекрасную.

– А вот этого не нужно! – возмутился Бессмертный. – Я если царевну, или там принцессу какую украду, так исключительно с целью получения морального удовлетворения от ее песен жалостливых, от страха девичьего, а не физического, как некоторые.

– Ну вы тут заканчивайте, – заявил Сварог, сопроводив сказанное острохарактерным жестом большого пальца у кадыка. Тронул ладонью волосы и собрался уж было нырнуть в облако...

– Постой! – окликнул его Иван-дурак. В кои-то веки докричался до небожителей, а они так и норовят увильнуть от исполнения своих обязанностей.

– Чего тебе?

– Так не может больше продолжаться. Я за ним полгода гонялся, лишения всяческие претерпевал... и что?

– Что? – не утерпела Мокоша, подавшись вперед. Прелести тяжеломерно качнулись, грозя перевесить – того и гляди с облака сверзится.

– Я его сейчас убью, а пока домой добираться буду, он воскреснет...

– Воскресну, – поддакнул Кощей Бессмертный, подленько ослабившись. – На то я и бессмертный.

– Злодеяния начнет творить...

– Начну. Уж такая я тварь. То есть творь... творило... В смысле творец злодеяний.

– Вот. Бессмыслица выходит.

– И чего же ты от меня хочешь? – напрямик спросил Сва-рог, уразумев наконец, что с дураком спорить – себе дороже.

– Помогите.

– А разве мы тебе не помогали?

– Это когда? – растерялся Иван-дурак.

– Всегда.

– Не понял.

– Одно слово – дурак, – съязвил Кощей. За что и заработал по морде рукоятью непонятно каким образом выпавшего из ножен меча-кладенца.

Добрый молодец склонился к оружию. Рукоять меча ткнулась в ладонь, словно извиняясь за самовольство.

– Эх, Иван... Иван, – с укоризной вздохнул Сварог. – А кто тебе подсказал, как Кощея победить? Где вещи волшебные отыскать?

– Конь мой верный.

– Вот. Не думаешь же ты, что обычные кони разговаривают человеческими голосами?

– Так он у меня и не обычный, а вещий.

– Да и не конь вовсе, а кобыла, – вставила Мокоша, хохотнув.

– Если это вы помогли нам встретиться, то поклон вам за это земной, и спасибо огромное, – поклонился Иван-дурак.

Богатырский шлем соскользнул с головы и рухнул на Кощея и придавил, пресекая попытку втихую уползти с поля боя.

– Над спасибо, даже самым огромным, чахнуть не будешь, – вставил бессмертный злодей. Но его реплику проигнорировали.

– И вещи волшебные, что ты используешь, не без нашей помощи сотворены, – заявил Сварог. – Кто ты думаешь, мечкладенец твой из небесного металла выковал?

– Никогда мы вниманием тебе не обделяли, – подключился к разговору высунувшийся из тучки Ярило. Круглолицый огненно-рыжий толстяк с лохматыми как у пекинеса усами, похожей на мочалку бородой до середины груди и редким пушком, обрамляющим обширную лысину. – Я вот и сегодня тебе помогал. Так что, Ванюша, нечего тут напраслину

возводить.

– И как же ты помогал? – растерялся добрый молодец. Он ничего такого не заметил.

– А кто ты думаешь, в самый решающий момент Кощея ослепил. Это я солнечный зайчик прямо в глаз ему пустил.

Иван-дурак покосился на блестящую, словно чаша из червленого золота, лысину божества, но мысль развивать и озвучивать не стал.

– И после этого меня подлым называют! – возмутился Кощей Бессмертный. Его вера в справедливость основательно пошатнулась. Даже слезы навернулись.

– А я кочку подсунула, чтобы злодей споткнулся, – сообщила Мокоша, потупив глазки и теребя кончики завязанной под подбородком косынки.

– А я... а я... – высунулся Стрибог, размахивая руками и пуская ветры (не образно, а в прямом смысле).

– Вас послушать, так выходит, что и не я вовсе Кощея одолел, – крикнул Иван-дурак, пришибленный потоком неожиданной информации.

– Вот она, Ваня, справедливость, – язвительно прошипел Кощей Бессмертный, злорадно хихикнув. – С богами всегда так.

– А ты, погань, молчи! – для острастки пнул его добрый молодец. – А то ить не посмотрю, что все равно убивать – да и выбью зубы, чтобы впредь не повадно было в разговоры лезть... Так что, отцы-творцы, и ты, матушка-тво... э... ма-

тушка, поможете мне разделаться с Кощеем на веки вечные?

– Бессмертный я, – напомнил на всякий случай Кощей.

– Извини, Ваня... не можем. Мы должны хранить баланс светлых и темных сил в этом мире. Это первый божественный закон мироздания и нарушить его мы не можем. Это золотая середина. Она и в твоём случае прекрасно подойдет.

– Это как? – прищурился Иван. То что это намек, он понял, но на что...

Сварог вздохнул, почесал кончик носа и словно случайно буркнул себе под нос:

– Нельзя подсказывать, нельзя... А вот с конем...

– Кобылой, – поправила Мокоша.

– ... своим вещим посоветуйся. Он поможет.

– Она.

– Не принципиально.

– Хм...

– Спасибо, – нахлобучив на голову шлем, поблагодарил богов Иван-дурак.

– Удачи.

И боги, словно по сигналу свистка дружно нырнули в тучку, которая вслед за этим встрепенулась, словно огромная чау-чау. Развернувшись против ветра, она стремительно рванула к горизонту, откуда доносились чьи-то требовательные крики о божественной помощи.

Почесал Иван-дурак затылок, пожал плечами и принялся неспешно пояс развязывать.

Кощей как-то подозрительно посмотрел на уверенные движения доброго молодца и позеленел от дурного предчувствия.

– Ты чего это, Ванюшка, надумал?

– Да вот, думаю тебя, вражину злокозненную, того.

– А?

– Так что лучше сам на живот перевернись – тебе же лучше будет.

– Ваня, а может не надо? Ты ж наш, а не какой-то принц заморский... Давай в замок вернемся, может не все царевны разбежались?

– Надо, Кощей, надо! Не верю, что ты на путь исправления встанешь.

Бессмертный попытался оказать сопротивление. Не долго. Получив богатырским кулаком промеж глаз, он окосел. Не успел злодей оглянуться, как руки и ноги оказались связаны за спиной.

– Вот так-то лучше будет, – удовлетворенно вздохнул Иван, волоком транспортируя злодея по извилистой тропинке, петляющей среди поросших осокой кочек заболоченной низины.

– Я вернусь! – пообещал Кощей, отплевываясь от набившейся в рот тины и ряски. И это были не пустые угрозы – он достаточно злопамятен, чтобы не забывать обещания, и бессмертен, чтобы дожидаться возможности их осуществить. – Вернусь тогда, когда ты не в силах будешь избежать моей

мести. Клянусь! И не будет на земле русской ни одного богатыря, способного остановить меня.

– Заткнись.

– Я страшно отомщу тебе и всему твоему роду!

– Да говорят же тебе – замолкни! – притопнул ногой Иван.

А то, что голова Кощеева под пяткой оказалась, так это исключительно дело Случая. А может боги постарались – с них станется.

– Я буду кошмаром в твоих снах, – откашлявшись, продолжил бессмертный злодей. – Нескончаемым рекламным блоком прокладок на всех телеканалах.

– Чего?! – возмутился Иван, не очень поняв смысла кощеевых воплей, но уловив их негативную окраску.

Но уже в следующий миг стало не до угроз. Со стороны дымящихся развалин бывшего кощеева замка на вороной вещице кобыле, расплескав по ветру пышную русую косу, прискакала красна девица. Телом обильная, ликом прекрасная, нравом милая, а уж какая затейница... одним словом, Василиса Прекрасная.

Вот и сейчас, вместо слов признательности и прочих проявлений восторга перед победителем Кощея Бессмертного (да и то подумать – впервой что ли?), красавица с разгону бросилась Ивану-дураку на шею. А повиснув на ней, заявила:

– Ваня, я ваша навеки!

Даже добрый молодец, уж на что толстокож, а и тот сразу

понял: «Вариантов не предусматривается».

Так что жили они долго и счастливо...

По крайней мере, некоторое время.

Понятное дело после того, как по совету вещи кобылы... хотя, вещей конь звучит все же более героически. В общем, после того как Кощея Бессмертного заключили в подвале его собственного замка, ныне превращенного в руины.

– Будет он тут и ни жив, и не мертв, – сказало вещее парнокопытное, – И воскреснуть в другом месте не сможет – поскольку вроде как жив, и умереть сам не сможет – бессмертный все же.

– Ну ты и хитер, друг мой верный, – улыбнулся Иванушка-дурачок, чувствуя горячее дыхание прижавшейся к плечу Василисы.

– Этого у меня не отнять.

– А ежели освободится Кощей? – подала голос Прекрасная.

– Нескоро это случится, – успокоила их вещая кобылица. – Замок-то евойный заработал дурную славу благодаря кощеевым злодеяниям и к нему никто и близко не сунется. Места, опять-таки, дикие и безлюдные. Приковали мы злодея цепями булатными, которые не перетереть о камень и за сто лет и не перегрызть даже Кощею.

– А если спустится какой сердобольный человек – да освободит Кощея? – поинтересовалась Василиса Прекрасная, опустив головку на плечо Иванушке-дурачку.

– Не спустится, – заверил ее добрый молодец, несколькими мощными ударами меча-кладенца обрушивая арочный свод.

И пошла жизнь сказочная.

Но увы... ничто не вечно под луной.

Часть первая

Сегодня здесь, а завтра там

Глава 1

Если такие цветочки, какими будут ягодки?

А еще говорят, яблочко от яблоньки недалеко падает...

Торнадо

Весна.

И не только как время года, но и как общее настроение природы и людей.

Сияют ясно солнышко на небе и лучезарно улыбки на лицах. Стремятся к свету из-под земли побеги молодой травки, а из-под юбок – девичьи ножки, истосковавшие по жадным мужским взглядам из-за загостившихся в наших краях холодов. Сок ускоряет бег под корой просыпающихся после зимней дремы деревьев, а кровь – под кожей, впервые за долгое время почувствовавшей ласковые прикосновения по-весеннему нежного ветерка. Распускаются на деревьях почки, а в людских сердцах трепетные чувства...

Чудо, а не погода.

Даже такой кабинетный червь, как ваш покорный слуга, не устоял перед буйством пробуждающейся природы. И решил к ней, этой самой природе, приобщиться. Собрать букет полевых цветов и преподнести одной хорошей девушке. Я бы сказал даже замечательной, но, увы... меня она в упор не замечает. А зря... Ведь я весь из себя такой, во-первых,

умный, во-вторых, нежный, да при этом при всем еще и, в-третьих, скромный. Где она еще такого найдет?

– Да кто ты вообще такой? – спросите вы.

Чувствую, самое подходящее время представиться.

– Май нэйм из Ванья.

Но это, конечно же, шутка. Кстати, вот вам и «в-четвертых». Наделен чувством юмора. А если серьезно, то обратимся к данным из бумажки, без которой, согласно народной мудрости, мы букашки, с ней же люди-человеки. Иван Иванович Почкин. Двадцати пяти лет отроду. Холост. Что уже в некоторой степени является вредной привычкой, с которой с каждым годом бороться все труднее и труднее.

Но не в этом суть...

Кручу я, значит, педали, напевая под нос: «Я долго буду гнать...» (в смысле, велосипед, а не по жизни), – и верчу головой по сторонам. Лежащая на руле правая рука легкомысленно потекает велосипеду, отчего его колеса выписывают на пустой дороге замысловатые восьмерки. В левой руке благоухает букет собственноручно собранных полевых цветов, которыми я дирижирую в такт пению. На лице цветет глупая улыбка, отражающая непривычную душевную легкость. А сердце трепещет с надеждой на грядущие перемены к лучшему.

В один короткий миг все кардинально изменилось.

Визг тормозов – резкий и близкий, как выстрел самоубийцы.

Бом!

С захолонувшим сердцем я медленно сползаю по лобовому стеклу джипа, видя в каких-то десяти сантиметрах от носа плоское как сковорода лицо со скошенным набок носом, каплями пива на квадратном подбородке и с крохотными глазками, очень быстро наливающимися кровью.

Странный скрежещущий звук достиг сознания, и я понял, что издает его педаль велосипеда. Его руль по-прежнему зажат в руках и поэтому он скользит по капоту вместе со мной.

Сердце, нехорошо так, в унисон скрежету, застонало, преисполнившись дурными предчувствиями. Рот наполнился горькой слюной, ставшей комом в горле. Ни сглотнуть, ни выплюнуть.

– Мамочки-и-и... – истерично взвыл инстинкт самосохранения, первым сориентировавшись в ситуации.

Соскользнув с капота, я ударился о никелированную радиаторную решетку автомобиля сперва подбородком, так что зубы клацнули, как сработавшая вхолостую мышеловка, а затем и рулем.

– Дзинь! – проснулся велосипедный звонок.

В тот же миг пятая точка смогла в полной мере оценить преимущества и недостатки грунтовой дороги перед заасфальтированной. Выводы субъективны, одно могу сказать точно: «Тоже очень твердо!»

– Ай! – непроизвольно сорвалось с губ.

В следующий миг я нервно чихнул. Наблюдается у меня

такая непроизвольная реакция на нервные стрессы. Я и в институте на экзамене, пока тянул билет, успевал получить от преподавателя пару-тройку разрешений сходить к терапевту, а экзамен сдать, когда поправлюсь.

– Апчхи!

Сдвоенные желтые зрачки левой противотуманной фары хищно подмигнули.

Дверца джипа стремительно распахнулась, словно ее изнутри боднул сбежавший с корриды бык, и весь из себя такой квадратный водитель выбрался наружу.

– А-а-апчхи! – повторный раскатистый чих заставил меня подпрыгнуть на месте.

Водитель открыл рот, обнажив крупные как у лошади зубы, но вместо того, чтобы пожелать мне: «Будьте здоровы!» – как поступил бы на его месте любой воспитанный человек, он произнес совершенно неуместную реплику:

– Поздравляю! Ты попал на бабки.

– Спасибо, – привычно отозвался я, не успев сообразить, с чем меня, собственно, поздравляют. А когда сообразил, то ... чихнул. В смысле издал раскатистый звук «Апчхи!», а не в смысле начихал на заявление бритоголового здоровяка из джипа.

Начихаешь на такого, как же...

На фоне огромного джипа водитель кажется маленьким, но это иллюзия. Мне, снизу, его габариты видятся реальнее, без всяких оптических иллюзий. Полтора квадратных метра.

В смысле, парень имеет высоту равную ширине тела. Полтора метра роста, и в плечах столько же. Да и вообще, многие части его тела кажутся выполненными таким образом, чтобы быть взаимозаменяемыми. Каждый кулак как голова. Размерами и... но это поспешные выводы. А голова как кулак. По количеству растительности. Шея... шеи нет, поскольку природа не нашла, чего бы еще в его теле выполнить таким же. Поэтому толстая золотая цепь, на которой и добермана не страшно выгуливать – не сорвется, лежит на плечах. Ноги и руки у бритоголового водителя джипа одинаково короткие, толстые от обилия накаченных мышц и постоянно пребывают в полусогнутом состоянии.

Увиденное меня не обрадовало и в носу засвербело с удвоенной силой. Желание чихнуть сделалось неодолимым.

– А-а...

– Десять косарей зелени, – заявил бритоголовый, проведя пальцем по оставленному рулем моего велосипеда на капоте джипа следу, одновременно с этим зачем-то поочередно загибая пальцы на правой руке и усиленно морща лоб.

– А-а...

– Ладно, братан, сегодня на твоей улице праздник – я добрый как никогда. Девять пятьсот.

... пчхи!

– Не, братан... даже не проси. И так сбросил больше, чем мог. Считаю, себе в убыток разруливаю ситуацию. Здесь одного ремонта на две штуки.

– А...

– А остальное – моральный ущерб, – охотно пояснил «браток», радостно потирая кулаки. – Сам ведь знаешь – нервы не восстанавливаются. А здоровье для меня самое важное.

По выражению его лица я понял, что осознание важности распространяется лишь на его здоровье. О моем же придется заботиться мне, если я не хочу, чтобы о нем начал заботиться Минздрав.

– Ну так чё?

– Э-э-э... Мне так жаль, – произношу я, пряча руку с рулем за спину. – Может мы как-то...

– Короче. Гони девять с половиной штук зелени и можешь быть свободным.

– А если...

– А если, – перебил браток, – то я сперва из тебя отбивную сделаю... с кровью. А потом ты все равно заплатишь.

– Но у меня столько нет, – обреченно вздохнув, признаюсь я. Если верить фильмам, здравому смыслу и некоему месту, весьма чувствительному на неприятности, то меня сейчас будут бить. Но надежда, наперекор всему, продолжает твердить: «А может пронесет?» И кишечник, как-то гаденько, по-своему пытается ей подыграть.

– Братан, какие проблемы?! Можем прокатиться к тебе домой.

– Там тоже нет.

На лице бритоголового братка отобразилось напряженное

размышление, но вот шкура на лбу расправилась, и он ободриительно покачал головой.

– Разумно. Как говорится, храните бабки в банке. Залезай, поедем.

– Куда? – испуганно отпрянул я, страстно желая оказаться подальше отсюда.

– Да ты гонишь, студент! Откуда мне знать, в каком банке ты свое бабло хранишь...

– Я не храню.

– Не понял? Это шутка такая? Типа юмора...

Я отрицательно помотал головой, доказывая серьезность заявления.

Браток вытащил из кармана крупногабаритную пластину мобильного телефона, в задумчивости посмотрел на зацветившийся от прикосновения экран, но, так и не придя к определенному решению, почесал им массивный затылок.

– И чего мне с тобой делать?

– Может я пойду себе помаленьку?

– Ты случайно головой не ударился? – вопросом на вопрос ответил на мое безнадежное предложение водитель джипа.

– Ударился, – подтвердил я, часто-часто закивав головой.

– Панамку носить нужно, – буркнул браток, смерив взглядом красных глаз сперва меня, а затем свои кулаки. – Ладно. Гони все что у тебя есть. И паспорт. Принесешь остаток – верну.

– Но...

– Не понял?! – подался ко мне водитель джипа, явно не для того, чтобы помочь подняться на ноги. – Ты что-то имеешь против?

– Нет. Но у меня с собой только рубли...

– Братан, посчитаем по курсу. Все чин-чинарём. Сколько у тебя?

– Пятьдесят.

– Пятьдесят штук на... – потянулся к мобильнику браток.

– Просто пятьдесят.

– Чего просто?

– Просто пятьдесят рублей, – с трудом шевеля пересохшими губами, прошептал я.

Лицо братка нехорошо изменилось.

«Сейчас точно пришибет, если его инфаркт не свалит с ног», – мелькнула у меня мысль. И я с надеждой уставился на наливающееся кровью лицо водителя и вздувшиеся на шее вены.

Но молодость победила. Увы, мне...

Скрипнув зубами, браток поинтересовался:

– Ты что, идиот?

– Ага, – я попытался мирно урегулировать проблему. (Какой с дурака спрос?) – У меня и справка есть. Только мне ее на руки не дают. Боятся, что съем. На ней фиолетовая печать, а фиолетовые чернила самые вредные для организма, от них несварение желудка приключиться может.

– А в рыло хочешь? – поинтересовался бритоголовый,

продемонстрировав внушительных размеров кулак, который в непосредственной близости от носа кажется просто-таки огромным. Едва ли меньшим чем голова. Не его – моя.

– Нет, – правдиво признался я, – не хочу.

Ухватив за грудки, браток придал мне вертикальное положение. Ноги плохо, но держали.

– Так чё ты тут мне под идиота косишь? У тебя высшее образование на лбу черным по белому написано.

– Это наверно я в солидол вымазался.

– Какой солидол?!

– Ну... жирный такой. И черный. Я им цепь недавно смазывал, а за тем поворотом штанина застряла, пришлось вытаскивать, вот и вымазался. А потом, наверное... ну, жарко ведь, вот по лбу и провел ладонью.

– Ша!!! Кончай базар!

Я замолк, всеми фибрами своей души почувствовав: «Пора делать ноги».

– Апчхи!

Противоположная от водителя дверь джипа отворилась, и из салона выглянуло ярко покрашенное девичье личико с недовольно надутыми губками.

– Гриша... чего ты там с ним возишься? Поехали уже... мне скучно.

– Спешу откланяться, – попятился я. – Ваша дама ждет...

– Сядь, дура! – грозно рявкнул здоровяк, грохнув кулаком

по капоту. А затем повернулся ко мне и произнес:

– А ты чего сел?

– Так это... – смутился я, – ноги устали.

– Ах, ноги, – с нехорошей ухмылкой качнул головой браток Гриша.

Из-за поворота, рыча мотором, вылетел еще один джип. Слет у них, что ли? Взвизгнув тормозами, он остановился рядом с нами, и из опущенного окна, в сопровождении надрывного пения о радостях тюремного бытия, высунулось лицо с недельной щетиной на всех доступных растительности участках головы.

– Гриш, какие-то проблемы?

– Да вот, идиота включает, – кивнув в моем направлении, ответил Гриша.

Сглотнув горькую как концентрированная желчь слюну, я перевел взгляд с новоприбывшего любителя легкой небритости на его спутницу, высунувшую в опущенное окно длинную красивую ножку в кружевном чулке и тонкую дымящуюся сигаретку в изящном мундштуке.

Понимая, что просто так меня не отпустят, а денег на откупную мне и за несколько лет не собрать, я поднял букет, загораживаясь им как щитом, и сделал осторожный шаг в направлении новоприбывшего джипа, за которым начинаются многообещающие заросли терновника, плавно переходящие в барханы мусора городской свалки. Если обойти новоприехавший джип спереди, то можно рвануть по проложен-

ной неизвестными посетителями свалки дорожке.

– Куда намылился? – насторожился Гриша.

– Хочу даме цветы подарить.

– Хм...

– С чего бы это? – насторожился небритый.

– Просто так, – сделав еще два шажка, ответил я.

Красивая ножка исчезла в темном нутре автомобиля, но на смену ей высунулось на удивление одухотворенное личико, обнаженные плечи и наполненное под завязку декольте воздушной блузки.

– Как интересно, – неожиданно звонким голосом простибела девушка, улыбнувшись мне.

– Это вам, – сделав еще два шага, протянул я спутнице небритого букет полевых цветов.

Из салона сбившего меня джипа донеслось громкое фырканье.

– Благодарю.

– Ну что вы... – стараясь смотреть не в вырез кофточки, а в глаза спутницы небритого, улыбнулся я. И сделал широкий жест руками и еще один осторожный шаг.

Кончик сигареты дрогнул, сорвавшийся цилиндрок белого пепла, распадаясь на лету, упал мне под ноги.

Девушка, вместе с дымящейся сигаретой и букетом, скрылась в салоне джипа, почти сразу высунув в окно свою красивую ножку и принявшись дирижировать носком туфельки в такт звучащей мелодии.

Тут дверца со стороны водителя распахнулась и из автомобиля, потягиваясь, выбрался небритый. Он случайно, либо же преднамеренно стал так, что перекрыл мне дорогу к бегству. Пытаться проломиться сквозь стоящие сплошной стеной у заднего бампера его джипа кусты терновника глупо. Они и коня на скаку остановят.

Стараясь скрыть разочарование, я развернулся на сто восемьдесят градусов и вернулся к лежащему у обочины велосипеду.

– Погодка – отпадная, – изрек небритый, сплюнув под ноги. – Может на рыбалку съездим?

– Почему бы и нет? – пожал плечами Гриша, поворачиваясь к приятелю.

Воспользовавшись удобным случаем, я решил, как говорится, «рвать когти». Рискованно, но... Вскочив на велосипед, я направил его на извилистую тропинку, сбегаящую по довольно крутому склону к кринице на дне оврага, и налег на педали. И только тут вспомнил, что руль-то у меня в руках. Полностью.

Колесо вильнуло на какой-то встречной кочке, которыми богаты не только наши дороги, но и торные тропинки. Велосипед устремился в заросли волчьих ягод, причем заднее колесо стремилось больше.

Проломившись сквозь густое переплетение веток, богато усеянных красными ягодами, я расстался с велосипедом. Он остался на кусте, задрав к небу продолжающие вращаться

колеса. Раскинув руки, рухнул на землю. Но твердь земная, словно играя, все время ускользала из-под меня.

Кувыркаясь, я одной рукой закрыл лицо от веток, хлещущих не хуже иного экзекутора с розгами, одновременно оберегая очки от падения. Если я их потеряю, то придется бродить на ощупь. Двумя руками закрываться, конечно, удобнее, но разжать пальцы и выбросить бесполезный руль не хватило духа.

– Ну, козел, доигрался! – доносится полный ярости крик Гриши. Я невольно удивился нелепой аналогии. Козел? Да с моим стилем движения меня разве что с ежиком, которого пнули для повышения летных свойств, сравнить и можно. Ну еще с зайцем. Это в том смысле, что уплетаю со всех ног. Но с козлом?..

– Ату его, братишка! – подзадорил приятеля любитель недельной щетины.

Склон закончился, и я с плеском влетел в ручей. В него и воды хорошо если по колено, а накрыло с головой.

За спиной мощно взревел мотор, затрещал кустарник, и я с ужасом понял, что рев и треск приближаются. Причем весьма быстро. Этот идиот устремился в погоню на джипе.

Как был, на четвереньках, так с низкого старта я рванул прочь.

А джип, с легкостью проламываясь сквозь густое переплетение кустарника и лавируя между редкими деревьями, оглашая при этом окрестности ревом двигателя и истерическим

женским визгом, быстро приближался.

Развалины старого замка, сведений о происхождении которого никто и не помнит, с частично осунувшейся каменной стеной, все ближе. Среди поросших мхом каменных глыб по несколько тонн весом на машине не проехать, так что у меня появится шанс оторваться от преследователя. Но рев мотора приближался значительно стремительнее, нежели каменные блоки, некогда составлявшие основание угловой башни замка.

– Урою, гада! – крикнул мне в спину, по пояс высунувшись в окно джипа Гриша. И дико захохотал, словно наслаждаясь происходящим.

– А-а-а... станови!!! – словно сирена полицейской машины взвыла его спутница.

Лишь я промолчал, сберегая те капли сил, что еще остались в изможденном страхе и непривычными физическими нагрузками организме.

Отпрыгнув с пути промчавшегося джипа, я чудом не угодил под его колеса, но сумел вскочить с гигантского мурaveйника до того, как его обитатели прореагировали на наглое вторжение, и бросился дальше. В «нереальном турнире» у меня такие приемы выходили не в пример легче.

Добравшись до первого каменного блока, наполовину погрузившегося в сырую землю, я словно ящерка вскарабкался на него.

Бампер джипа тотчас ткнулся в каменный бок. Брызнула

осколками противотуманная фара, глыбу трухнуло.

Обе передние дверцы джипа одновременно распахнулись и из них выскочили разъяренные Гриша с подругой. И если браток обрушил поток угроз на меня, то подруга – на него.

– Ты совсем рехнулся?! – взвизгнула девушка, размахивая косметичкой. – Ты меня чуть не убил!

– Заткнись, дура!!! – в бешенстве рыкнул на нее Гриша, и нырнул в салон джипа, пытаясь что-то достать из-под сиденья.

– Козел! – вспыхнула девушка и, стремительно развернувшись на каблуках, отчего они остались в глинистой почве, похромала прочь.

– Да пошла ты! – оставил за собой последнее слово Гриша, одним стремительным движением запрыгивая на крышу джипа.

В блеснувшей в его руке длинной штуковине я с ужасом узнал пистолет. Вот только размерами он с небольшую пушку. Его дуло обратило на меня черный взор.

– Допрыгался, – констатировал браток, недобро улыбнувшись и нацелив ствол так, чтобы нанести мне наибольший моральный ущерб при относительно малом физическом.

Сердце ледяным комочком провалилось в пятки.

Земля дрогнула, просела. Посыпались со стен замка камни и пыль.

– Апчхи!

Орда заполошно каркающих ворон поднялась в небо, ча-

стично закрыв солнце.

Каменная глыба под ногами стремительно накренилась, заставив упасть на колени, и ухнула вниз. Я вместе с ней.

Падение вышло недолгим, но болезненным. Судя по грохоту и воплям – не для меня одного.

Глава 2

Узник мрачного подземелья

Не все то растет, что посажено.

Колымская народная примета

– Слышь, студент? – окликнул меня браток, скрытый облаком поднятой падением пыли.

– Я не студент, – ответил я, одновременно потирая копчик и шишку на лбу. Разными руками, разумеется... хотел бы я посмотреть на того, кто сумеет одновременно проделать это одной.

– Да какая разница? По мне так хоть профессор, хоть доцент.

– Ну...

– А здорово, скажи!

– Что здорово? – не понял я, подняв голову к сереющему над головой лоскутку неба. Пыль медленно, но верно оседает на камни, на джип и на меня тоже.

– Погоняли, – удивляясь моему тупоумию, пояснил Гриша. – Ведь классно погоняли?

А что я мог ответить, памятуя о пистолете, с которым только на слонов охотиться?

– Угу.

– Нужно еще будет как-нибудь с братвой повторить. Ты

это, слышь, визитку оставь.

– З-зачем? – растерялся я.

– Погоняем, – во все горло захохотал браток. – Да не боись, студент... не кинем. Мы бабла столько отсыплем – не пожалеешь.

Смешно ему... машину разбил вдребезги и ржет. А вот мне не до смеха нынче. Это сейчас браток Гриша хохочет и пребывает в благодушном настроении, а потом и счет на ремонт машины может к оплате предъявить. В полном объеме.

– Так оставишь?

– У меня нет визитки, – ответил я, ощупывая себя. Кости вроде целы, а синяки и ушибы сойдут.

– У-у-у... – то ли стон, то ли вой раздался неожиданно близко.

– Ты чего воешь, студент, прищемил чего? – поинтересовался браток, заставив меня вздрогнуть. То же самое я намеревался спросить у него, только в более мягкой форме.

– Это не я.

Пыль к этому времени по большей части осела, и я мог рассмотреть завалившийся набок в десяти метрах от меня джип. Покореженный капот, словно искривленная в ухмылке пасть гиппопотама, парующий радиатор, сетка трещин на лобовом стекле и квадратный силуэт на крыше. Но звук донесся не оттуда.

– У-у-у... – повторился стон, позволив определить направление. Он раздастся из ниши, темнеющей за горой об-

валившихся глыб.

– Кто здесь? – испуганным голосом воскликнул я. – Апчхи!

– Ты кого-то видишь? – любопытно спросил Гриша.

– Нет, но я слышал стон.

– Я тоже его слышал, – заметил браток, – но это не повод визжать как истеричная стриптизерша, которой в трусики руку вместо купюр засунули.

– Я не визжал.

– А кто тогда?

– Нет. Визжал я, но не визжал.

– Ты сам-то понял, чего сказал? – спросил Гриша, спрыгнув с капота джипа. Он потянулся до хруста суставов и, размахивая пистолетом, решительно заявил:

– Сейчас посмотрим, кого еще черти сюда занесли. Я иду искать – кто не спрятался, я не виноват. Раз, два...

Ему хорошо хорохориться, у него пистолет и кулаки как голова, а у меня лишь очки и два высших образования. Но я тоже сполз с каменной плиты, на которой совершил скоростной спуск, и принялся осматриваться, осторожно пробираясь между топорщащихся острыми углами сколов каменных глыб.

Переступив через пыльную тряпку, я едва не пробил головой свод, когда из-под ног раздался тот самый воющий звук.

– У-у-йу...

– Ой! – испуганно отскочил я. При повторном взгляде на

тряпку рассмотрел скелетообразное тело, завернутое в нее. – Апчхи!

– Дохляк, – констатировал Гриша, приблизившись и бросив быстрый взгляд на обнаруженное тело.

– Но он же стонал, – возразил я, противореча собственным глазам.

– Нет. Этот уже свое отстонался. Говорю тебе – дохляк. Да я чё, жмуриков никогда не видел? – заявил с ухмылкой браток, и пнул труп под ребра тупорылым носком ботинка армейского образца. И в следующий момент с воплем отскочил прочь. Вернее, попытался отскочить. Вцепившиеся в штанину зубы трупа оказались надежнее зубьев капкана. Гриша взмахнул руками и повалился на спину, вереща как-то совсем несерьезно, по-бабски. И кто из нас истеричная стриптизерша, оставшаяся без вознаграждения? Впрочем, кто бы на его месте не заверещал, чувствуя, как тебя пытаются сжевать? Медленно, но целенаправленно.

– Помоги мне!

Вот что мне мешало в тот момент притвориться глухим, поплевать на ладошки и выбраться из этого древнего подземелья?

Так нет же... ухватил здоровяка за плечи и потянул на себя. Со стороны это выглядит как попытка удава вытянуть слона из пасти застрявшего в болоте крокодила.

Подвинув Гришу на полметра, я почувствовал, что вцепившийся в него не хуже иного бультерьера мертвец пере-

стал волочиться следом, а замер, повиснув на натянувшихся цепях.

– Долго ты меня тянуть будешь?!

– Я стараюсь! – отмахнулся я от несправедливого укора. Попробовал бы сам тянуть тушу весом в два раза больше собственного.

– Тяни! Он же мне ногу по колено сгрыз. А ну отпусти меня, скотина!.. Да не ты, студент. Ты тяни, пока эта тварь меня не сожрала.

– Не сожрет.

– Так понадкусывает. Мамочки-и-и... жует!!!

– Эх! – Перехватив Гришу под мышки, я рванул его на себя.

Что-то треснуло, браток рухнул на меня, а труп на камни.

– Этот бомжара вшивый меня чуть не сожрал! – возмущенно проревел Гриша, рассматривая укоротившуюся на два десятка сантиметров штанину. Не обнаружив на ноге ран, он зло сплюнул в направлении барахтающегося в пыли экс-трупа и попытался отыскать среди камней оброненный в пылу борьбы пистолет. – Правильно его на цепь посадили. Псих ненормальный!

– Пить, – жалостливо застонал кусачий тип, выплюнув изжеванный до состояния ваты кусок штанины. – Воды...

– У-у-у, скотина, – протянул Гриша. – Всухую кусок в горло не лезет?

– Ущипни меня, – попросил я, пытаюсь доказать созна-

нию, что происходящее не сон, а реальность. Попросил, и тотчас пожалел. То ли браток мстил за неподлежащий ремонту джип и убежавшую девицу, то ли просто сил не рассчитал, но в результате его щипка я взвыл от боли и подскокил до самого свода пещеры. А это почитай четыре метра.

– Воды! – напомнил о себе узник подземелья. – Озолочу... Только дайте воды.

– Э... Григорий, – обратился я к братку, – а может дадим ему воды?

– Он мне штаны от Фигуччи за семьсот баксов испортил, а я ему за водой бегать буду?

– Так он же не со зла.

– Ага. От доброты.

– Возможно он от голода рассудком повредился, – прошептал я братку на ухо.

– А чего ты шепотом?

– Чтобы он не услышал.

– А! Э... И что?

– Невежливо получится.

– Тьфу ты! Интеллигент вшивый.

– Пить... – напомнил о себе узник.

Посмотрев на извивающегося на полу страдальца, Гриша вздохнул глубоко, засунул пистолет за пояс и неспешно направился к джипу. Заглянув в салон, браток достал из-под водительского кресла несколько бутылок. Но все они оказались пустыми. Тогда он залез в багажник и извлек отту-

да пластиковую двухлитровую емкость темно-коричневого цвета с хорошо знакомой этикеткой. Знать и братку ничто человеческое не чуждо.

– Пить... пить...

– На, – одним движением скрутив пробку, Гриша протянул бутылку страждущему.

Скелетообразный узник с жадностью ухватил ее и припал к горлышку. Пластик захрустел на зубах. Пена побежала по подбородку. Его кадык несколько раз судорожно дернулся туда-сюда, и пустая бутылка отлетела в сторону.

– Чувствую, – с присвистом выдохнул прикованный к стене старик, – как силы возвращаются ко мне. Чувствую... Ик!

Черные глазки узника сделались крохотными и сошлись на переносице.

– Вам плохо? – заволновался я. Мало ли какой эффект вызовет пускай и слабый, но все же алкогольный напиток, попавший в ослабленный голодом и муками организм.

– Мне хорошо, – ответил узник, пытаясь дотянуться до охватывающего кисть его руки стального кольца.

Его зубы пару раз со скрежетом скользнули по металлу, оставив микроскопические следы, но уже в следующее мгновение старик, икнув, просто вырвал из стены железные костыли, которыми была прибита удерживающая его цепь.

– Здоров, – заметил Гриша, стараясь держаться от узника на некотором отдалении. После того как старик попытался, пускай и неудачно, утолить голод за счет него, браток стал

относиться к незнакомцу с настороженностью и, не побоюсь этого слова, робостью.

Освободившийся узник повел из стороны в сторону головой, нелепо морща длинный нос и словно к чему-то приносиваясь.

– Ну, Иван-дурак, думаешь – помер, так и ушел от Кощея? Ха-ха-ха! Я обещал, что мы встретимся, и значит так тому таки и быть. Воротись ты время вспять, Ваньку дурня видеть желаю опять.

По поднятым над головой костлявым рукам заструились голубые электрические разряды, образуя искрящуюся дугу.

Повеяло сыростью и холодом.

Зябко поеживаясь, я на несколько шагов отступил от странного незнакомца.

Бледный свет, проникающий в подземелье сквозь обвалившийся свод подземелья словно выцвел. Покрывающая все толстым слоем пыль засветилась бледно-зеленым светом, придав незнакомцу устрашающий вид. Он словно вырос и налился неземной силой. Силой, которую нам не дано постичь. И хотя странный узник по-прежнему походил на бомжа низшего пошиба, но уже не нашего, не Земного, которого можно встретить поутру у мусорного бака, а иного, с какого-нибудь Сириуса или Кассиопеи.

– Чего это с ним? – поинтересовался браток, озабочено почесывая нос.

– Колдует.

– Хм... Может пальнуть на всякий случай?

Я не ответил на этот риторический вопрос. Хотел бы пальнуть, так разве Гриша спрашивал бы совета?

Электрическая дуга в руках узника вспыхнула ослепительно белым светом и погасла. Светящаяся пыль вновь стала просто пылью, а могучий чародей – полумертвым стариком. Он без сил опустился на камни и обвел нас тяжелым взглядом.

Мне нестерпимо захотелось оказаться подальше отсюда.

– Умри... ик! ...те!

– Что-что?

– Ик! Умр... Ой! Ик!

– Не понял.

– Умрите, – натужно прошипел старик, указав поочередно на меня и братка, и из последних сил сдерживая икоту.

– Он чё, типа наехал? – возмущенно поинтересовался Гриша.

– Что-то типа того, – подтвердил я, на понятном для собеседника языке.

– Да я его! – набычился Гриша, благоразумно не делая попытки приблизиться к странному узнику замкового подземелья. Стрелять он тоже не спешил.

Старик озадаченно посмотрел на нас, на палец с десятисантиметровыми изогнутыми ногтями, икнул и буркнув: «Дойдет и до вас время, не жильцы вы на этом свете более, не жильцы... но сперва мне надобно набраться сил и с Вань-

кой-дураком разделаться», – исчез.

– Куда он делся?

– Телепортировался. – Я с облегчением вздохнул.

– А кто за базар отвечать будет?

– Пускай его... ненормальный ведь.

– Так дело не пойдет. Непорядок. Слышь ты, копперфилд доморощенный, а ну вернись! – во всю мочь легких взревел браток.

– Боюсь, он не слышит, – проямлил я, пытаюсь унять звон в ухе. – Он уже где-нибудь за сотни километров отсюда.

– Ладно заливать, – отмахнулся Гриша. – Сидит где-нибудь рядом и хихикает, гад.

– Где? Здесь же камень кругом. Не сквозь стену же он прошел?

– А почему нет? Я понял, она не настоящая. Голограмма, я в кино такое видел. Вот смотри, – Гриша улыбнулся и шагнул сквозь стену.

Вернее попытался шагнуть, поскольку стена все же оказалась настоящей. А камень – твердым.

Бом!

– Ну ты, студент, и козел!

– В смысле? – растерялся я, попятившись.

– Советы у тебя дурацкие.

– Но ведь я...

В силу врожденного упорства браток заглянул за нагромождение камней и покричал немного, но странного узника

отыскать не удалось.

Вернувшись к джипу, Гриша достал из багажника пару банок пива и, протянув одну мне, сделал жадный глоток. Всего один. Больше в пол-литровую банку не помещается.

– Что будем делать, студент?

– Нужно выбираться отсюда.

– А как?

– Судя по всему, мы в подвальном помещении стоящего на холме замка, а из любого подвала должен быть выход.

– Замок там, – определил Гриша, – значит и выход там.

– Согласен.

– Знаешь, что обидно? – неожиданно спросил браток, с легкостью скомкав в кулаке пивную банку.

– Что? – насторожился я.

– Мы уже столько времени здесь сидим, а никто и не попытался помочь нам. Ладно Маха – она на меня разозлилась. Да и шалава, какой с нее спрос? Но вот Витек... ведь должен был видеть, что мой джип провалился. Не мог не видеть.

– Может он в другую сторону смотрел.

– Может. Потопали?

– Угу.

Не успели мы сделать и двух шагов, даже фонарик не включили – сюда падающий сверху свет еще доставал, – как нас окликнули:

– Хэй, пиплы!

Обернулись мы с завидным проворством.

Из-под покореженного капота джипа высунулось зеленое рыло с огромными выпуклыми глазищами, мощной бульдожьей челюстью и свиным пяточком несколько вытянутой кверху формы. В правой ноздре поблескивало тонкое колечко.

– Допился, – простонал браток, мужественно рванув из-под полы пиджака пистолет и свалившись в обморок.

– Апчхи!

Глава 3

В старом подземелье

Глаз видит, да зуб неймет.

Граф Дракула о привидениях

– Ты кто? – справившись с непроизвольным чихом, я настороженно посмотрел на загадочное существо, высунувшееся из-под покореженного капота джипа. Происходящее становилось все «страньше и страньше» – как говаривала одна любознательная девочка, хотя куда уж «страньше»?

– Да! Кто ты? – поддержал меня пришедший в себя браток, поднимаясь на ноги и делая вид, что он просто так, на минутку прилег отдохнуть.

Выглядывающая из-под капота уродливая тупорылая морда заискивающе улыбнулась, продемонстрировав острые стальные зубы в два ряда.

– Я в приборную доску свой.

– Руки вверх! – неожиданно взревел браток, с самым решительным видом нацелив свою пушку на уродца. Все-таки чувствуется бойцовская порода.

«Свой» недоуменно почесал острым когтем между острыми же ушками, торчащими на его макушке, и спросил:

– Зачем?

– Стрелять буду!

– Вот это по-нашему, босс, – ободрило братка таинственное существо, выбравшись из-под капота и устроившись на бампере джипа. Больше всего оно напоминает крупного, но очень худого зайца с короткой шерсткой цвета морской волны, трехпальными лапками и стальными вставными зубами. Хвоста не видно, равно как и первичных половых признаков. Про вторичные вообще молчу. Ну откуда мне знать, как они у этих уродцев должны выглядеть?

– Кто босс? – удивился Гриша, опустив оружие.

Да и правильно. Что толку размахивать пистолетом, если он кроме меня никого не пугает?

– Апчхи!

– Ты, босс, – почтительно пояснил неожиданный собеседник.

– Чей?

– Мой.

– Твой?

– Ес оф кос, то есть ага на все сто процентов.

– Здорово, – обрадовался Гриша. И ка-а-ак заорет:

– Фас!

И в меня своим пальцем тычет.

– Ты чего? – я больше опешил, чем испугался.

– Да это я так, проверяю, – пояснил Гриша, засунув пистолет за пояс. – Должен же я знать, на что он способен...

– Нужно начать с чего попроще...

– Думаешь? К ноге!

Уродец задумчиво почесал пятак, но попытки приблизиться или каким-либо иным способом выразить верноподданнические настроения не предпринял.

Я не вытерпел и поинтересовался у Гриши:

– А кто это?

– Ты у меня спрашиваешь?! – браток сделал круглые глаза.

– Ты же его босс.

– Ну да. То есть типа как да, но... Эй, ты, как там тебя... ты кто?

– Да свой же я, свой. В приборную доску свой, чтоб мне век семьдесят шестым давиться.

– Это мы еще проверим... А звать тебя как?

– А зачем меня звать?

– Ты мне тут под печальную нацию не коси, взял моду на вопрос вопросом отвечать, говори прямо! – потребовал Гриша. – Как звать?

– Никак. Это пускай моськи на свист бегают.

– Да я те... – потянулся за пистолетом Гриша.

– погоди. Я попробую поговорить, – остановил я братка. Нереальность происходящего странным образом подействовала на меня, и я перестал бояться невольного спутника по подземному плену. Тоже мне невидаль – браток обыкновенный. Здесь странным образом живые трупы электричество генерируют и телепортируются, из джипов невероятные существа выбираются... после такого к нашей суровой

реальности поневоле начинаешь относиться с некоторой долей философского пофигизма.

– Пробуй, – дал добро Гриша.

– Как тебя родители называли? – смотря прямо в выпуклые глазищи, спросил я.

– Нет у меня родителей.

– Так не бывает, должен же кто-то был дать тебе жизнь?..

Ну да ладно. Допустим, ты их совершенно не помнишь, такое, к сожалению, бывает. А кто тебя воспитывал?

– Никто. Самоучка я. Да и от рождения всеми нужными навыками в достаточной мере природой одаренный.

– Ладно, гений. Самородок неграненый. А друзья к тебе как обращаются? – Я решил не сдаваться и получить-таки ответ на свой вопрос.

– У меня нет друзей.

– А девушка?

– А это кто?

– Проехали, – отмахнулся я, чувствуя охотничий азарт, охватывающий меня. – А знакомые?

– «Хай».

– Это в смысле... Ага. Хорошо. Когда вы встречаетесь, они говорят «хай», да?

– Да.

– А потом?

– Что потом?

– Что они потом говорят?

– Чаще всего ничего.

– А реже всего что? – уточнил я.

– «Пока» или «прощай».

– И все?

– Иногда «бай-бай» или «гуд-бай».

– Содержательные у вас беседы, – вздохнул я.

– Что поделатъ, век технического прогресса, только время и есть, что во время уличных пробок.

– Пробки – это бич наших мегаполисов, – с умным видом произнес Гриша, – который докатился и до провинциальных городов... такова эпоха.

– И о чем вы во время пробок разговариваете?

– Не до того. Все злые, нервные...

– Это точно, – подтвердил браток, достав из багажника очередную банку пива и открыв ее. – Простоишь час-другой, и уже готов взять автомат и всех к чертовой матери перестрелять. Но нельзя, порядочность не позволяет.

– Ругаются друг на дружку, фыркают, – пожав плечами, пояснило загадочное существо цвета морской волны.

– Ну с кем-то ты должен общаться?

– Наверное, должен, – согласился со мной уродец. Его пятак печально повис, и в больших выпуклых глазах заблестела тоска-печаль.

– К тебе что, никто и никогда не обращается, совсем-совсем?

– Было пару раз.

– Вот, – обрадовался я. – И что они говорили?

– «Что тебе, зараза, нужно?»

– Это ты мне?

– Или мне? – насторожился Гриша, потянувшись за столетом.

– Это вы, босс, мне, – пояснило безымянное существо.

– Что-то я такого не припоминаю... – нахмурил лоб браток. – Я твою зеленую харю первый раз в жизни вижу.

– И все? – уточнил я, предчувствуя утвердительный ответ.

– Все, – оправдал опасения уродец со стальными зубами.

– Ерунда какая-то, – произнес я, поникнув головой. – Так не бывает...

– Да что же ты за тварь такая?! К тебе по-человечески, со всей душой, – не выдержал Гриша.

– Так бы сразу и спросили. Гремлины мы, – сообщило существо.

– Интурист, что ли? – поинтересовался браток. – Индиец.

– Почему индеец? – растерялся я. А у гремлины так и во все челюсть отвисла до самой груди.

– Так он сам же сказал, что римлянин, значит из Рима. Вот!

– И?

– Какой ты тупой, студент! Географию в школе лучше учить нужно было. Ведь всем известно, что Рим – это столица Индии.

– Вот как? – только и сумел выдавить из себя я. Хотелось

смеяться, но внушительные кулаки братка и его пушка как-то сдерживали это желание.

– Он не римлянин, а гремлинин, – поделился я. – Или гремлин?

– Гремлин, – подтвердило существо. Только откуда ему точно знать, ежели он ни с кем не общается?

– А это что за «ху из ху»?

– Это я и есть, – улыбнулось существо. – Собственной персоной.

– Это сказочный народец, вроде гномов, только они в технике живут, – блеснул я познаниями в области неизведанного.

– Сказочный? – удивился и даже немного обиделся гремлин.

Гриша задумался, потом звонко хлопнул себя по лбу и принялся суматошно шарить по карманам.

– Что-то потерял?

– Мобильник. Хочу этого гремлина заснять.

Отыскав мобильный телефон, браток навел на зеленова-то-голубого персонажа городского фольклора глазок объектива и произнес:

– Скажи «сы-ы-ыр».

– Чи-из! – растянул рот в улыбке до ушей гремлин.

Сделав несколько кадров, Гриша углубился в дебри телефонного меню.

Мобильник пискнул, протестуя в силу своих возможно-

стей.

– Показывает, что сигнала нет, – сообщил браток.

– Ну так мы же под землей.

– Да все равно – покрытие здесь хорошее, должно брать...

Ладно, пошли. Нечего здесь торчать. Я проголодался.

– А он?

– Слышь, ушастый, ты чего хотел?

– Возьмите меня с собой, – заискивающе улыбаясь, попросил гремлин.

– Какие проблемы? Пошли. А называть его я буду Чебурашкой.

– Почему? – удивился я. – Он же совсем не похож на приятеля крокодила Гены. У того уши огромные, как блины на Масленицу, да и шерсть коричневая. А у этого-то сине-зеленая...

– Ну мало ли что не похож... Эй, ушастый, хочешь быть Чебурашкой?

– Н-н-не знаю.

– Короче, ты апельсины любишь?

– А что это? – вытаращил глаза гремлин.

– Ну овощ такой, – показал сжатую в кулак руку Гриша. – Представил?

Пятак отрицательно качнулся из стороны в сторону.

– Апельсин – это плод.

– А в ухо? – повернулся ко мне браток.

– Овощ – так овощ, – поспешно согласился я.

– Ну что, любишь апельсины? Нет?! Ну и фиг с тобой! Будешь Ушастым... а нечего выделываться было. Апельсины он не любит...

– Пойдем, – предложил я.

– И то дело, чего тут торчать? – согласился браток.

И мы пошли. Хотя больше всего наш способ передвижения напоминал гибрид бега с препятствиями и альпинистского восхождения. Подземелье оказалось изрядно разрушенным. Да и чего иного ожидать при общем состоянии замка. Руины. В таких даже привидения не водятся.

– Здесь боковой ход, – сообщил Гриша, направив луч фонарика телефона в темный зев тоннеля. – Он куда-то в сторону ведет.

– Но недалеко, – предупредил греmlin, прекрасно видящий в темноте.

На всякий случай решив проверить его, мы через несколько шагов уткнулись в завал. Проход наглухо закупорен массивными валунами. Тут без специального оборудования не разгрести, да и обвал можно вызвать.

Пришлось вернуться к главному ходу и продолжить движение, ежеминутно рискуя сломать ногу или набить шишку. Выше всего риск, понятное дело, у меня. Поскольку греmlin наделен ночным зрением, а у Гриши фонарик, и мои ноги его мало заботят.

– Ох, и длинный же туннель, – пожаловался греmlin. – У меня уже лапы болят.

– Пришли, – остановился шедший первым браток.

– Куда?

– Тупик.

– Действительно тупик, – согласился я, ощупывая потрескавшуюся кладку, состоящую из грубо обтесанных камней различного размера. – Но должен же здесь быть выход...

– Должен, – не стал спорить Гриша, – но его нет.

– Может здесь дверь с секретом... Нужно нажать на какой-нибудь кирпич и она откроется.

– Да нет здесь никакого выхода, – махнул рукой браток. – И как назло, связи нет.

Его мобильный телефон уперто высвечивал отсутствие сети.

– И куда теперь? – спросил греmlin.

– Кто куда, а я пиво пить, – заявил Гриша, решительно обратив стопы вспять.

Пришлось последовать за ним. Не оставаться же в темноте и одиночестве...

Надежды отыскать скрытую дверцу у меня не было. Скорее уж ступеньки вверх находятся за завалом бокового ответвления.

Браток привычно нырнул в багажник за пивом, и спустя минуту до слуха донеслись громкие сосущие звуки и довольное причмокивание.

Опустившись на каменную плиту, я с тоской посмотрел на плывущие над головой белоснежные облака и косые сол-

нечные лучи, пронизывающие клубящуюся в воздухе пыль.

– Григорий, может покричать? – предложил я.

– Зачем?

– Может твой друг просто не может нас найти? Ищет-ищет... а мы здесь, под землей.

– Можно конечно, но... Эй, сказочный ушастик, погуди!

– Гу-у-у... – послушно затянул вытянувшийся на капоте греmlin. Он даже перестал ковыряться в двигателе, выковыривая оттуда кусочки смазки, которую затем с урчанием слизывал с пальца. Можно подумать, Ушастый варенье жрет. Карлсон эпохи индустриализации.

– Идиот! На клаксон нажми.

Гремлин послушно перебрался в салон и навалился всем весом на рулевое колесо.

В замкнутом пространстве подземелья резкий звук, многократно растиражированный расторопным подземным эхом, болезненно ударил по перепонкам. Зато его должно быть далеко слышно. Если небритый приятель Гриши бродит поблизости, он не мог не услышать его.

Еще несколько гудков, и греmlin, высунув лицо в опущенное окно, поинтересовался у братка:

– Еще, босс?

– Хватит. Отдыхай.

– Окей. – Восприняв разрешение как инструкцию к поведению, скрытый житель ходовой части джипа вернулся на место и, по пояс нырнув под погнутый угол капота, с при-

чмокиванием принялся что-то поедать.

Мой желудок, следуя стадному чувству, заурчал, намекая, что неплохо было бы и ему кинуть миску-другую «первого», а может и «второго». Или хотя бы десерта. Но согласен и на корочку хлеба. Вот только в карманах у меня лишь флэш-брелок с подборкой новых мультв про Масыню, связка ключей с кроличьей лапкой, горсть мелочи и складной ножик.

– Выбираться, видимо, нам придется самостоятельно, – сказал я, спустя полчаса напрасного ожидания реакции на автомобильные гудки.

– Я тоже так думаю, – согласился браток. Он скомкал опустевшую банку в кулаке и, забросив получившийся комок за ближайшее нагромождение камней, повернулся к гремлину.

– Готов?

– К чему? – растерялся Ушастый.

– Совершать восхождение на Пик Коммунизма, – хохотнул Гриша. – У меня в багажнике есть бухта буксировочного троса, привяжешь его и сбросишь вниз. Мы по нему поднимемся.

– Но я не умею.

– Научим, – уверенно пообещал браток. – Вон у тебя какие ногти, с такими только по стенам лазать.

Гремлин растерянно посмотрел на трехпалые ручки, словно видя их впервые.

А Гриша тем временем достал из багажника свернутый

кольцами синтетический канат и очередную банку пива. Основательно запасся. Я не насчет каната...

– Альпинистка моя ушастая, скалолазка... – безбожно фальшивя, принялся напевать браток.

– Трос можно забросить наверх отсюда, чтобы ему легче лезть было, – подсказал я.

– Можно, – размахнулся браток, отправив веревку в полет. – А почему бы и нет.

Сверкнув на солнце кольцами, она не долетела до края всего несколько сантиметров и повисла на обнажившихся во время обвала корнях.

– А ты чего замер? – прикрикнул на гремлина Гриша. – Начинай лезть!

– Как, босс?

– Руками и ногами! Ты что, в первый раз лезешь?

– В первый.

– Тьфу ты! Значит так... – Ухватив гремлина за шиворот, Гриша забрался на крышу джипа и, встав на никелированные дуги, поднял Ушастого над головой, позволив дотянуться до неровного скола потолочных плит. – Хватайся.

– Ухватился.

– Держишься?

– Держусь.

Отпустив гремлина, Гриша спрыгнул на пол и запрокинул голову кверху.

– Теперь ухватись за тот камень, что выступает выше и

немного правее.

– Но я же упаду!

– Не упадешь.

Гремлин разжал пальцы и... упал. Чего и следовало ожидать.

– Ты там не убился?

– Нет, – ошарашенно трясая головой, ответило существо, живущее под капотом автомобиля.

– Сейчас попробуем еще раз, – решительно заявил Гриша. – Я не намерен торчать тут до ночи.

– А еще один канат есть? – спросил я, вспомнив о таком приспособлении как «кошка». – Мы могли бы приделать к нему крюк и забросить наверх.

– А раньше сказать не мог?! – набросился на меня браток. – А то типа тут все тупые, а он один умный... А ты чего развалился, Ушастый? Вверх и только вверх.

И вторая, и третья попытка Гриши использовать гремлина в качестве скалолаза закончились с тем же результатом и там же. На крыше джипа.

– Не хочешь по-хорошему, – решил браток, – будет по-моему.

– Больше не нужно лезть? – с надеждой спросил гремлин.

– Не нужно. Ты теперь из класса ящериц всяких и других гадов...

– Пресмыкающихся, – подсказал я.

– Знаю, – отмахнулся Гриша. – Из класса пресмыкающихся-

ся переходишь в птицы. Будешь вороной.

– Скорее уж пингином, – не удержался я.

Гремлин озадаченно почесал потылицу, пытаясь определить, какие еще неприятности его ждут.

Браток забрался на изрядно уже помятую его ботинками крышу джипа и, ухватив гремлина за ноги, резким рывком снизу-вверх отправил его в полет.

– Хорошо пошел, – крикнул от удовольствия Гриша.

Но гремлин, не долетев до края ямы немногим больше метра, врезался в густое переплетение белесых корешков и не менее стремительно рухнул вниз.

Я едва успел его поймать, в прыжке подхватив у самой земли.

Пока я вытрясывал из волос и из-за пазухи мелкие камушки и рассматривал стесанный до крови локоть, браток задумчиво мерял шагами крышу джипа. По всей видимости мысль не шла. Наконец Гриша не выдержал и, нырнув в багажник, припал к пенящейся божественным напитком двухлитровой банке. Пол-литровые жестянки его уже не устраивают? Не прошло и минуты, как он издал торжествующий вопль:

– Эврика!

Куда там древнему греку с его ванной.

Гремлин попятился, намереваясь укрыться среди каменных глыб. Судя по потускневшему взору и поникшим ушам, он уже жалел, что вылез из-под капота. Но одержимый оче-

редной идеей Гриша изловил Ушастого и, забросив на плечо, повернулся ко мне.

– Я очень тяжелый, – на всякий случай предупредил я. Осваивать азы летного искусства в мои планы на ближайшие годы не входило.

– Вот и хорошо. Лезь на машину.

– Зачем? – растерялся я.

– Так нужно.

– Хотелось бы знать подробности плана, может я...

– Может. Лезь!

Нехотя, но я забрался сперва на покореженный во время погони капот, а затем и на крышу, изрядно попорченную рифлеными подошвами армейских ботинок.

– Дотянешься до потолка?

– Дотянусь. Но залезть не смогу, – сразу же предупредил я.

– А лезть никуда и не нужно, – сообщил Гриша, присоединившись ко мне. – Упрись руками в потолок, ногами в багажник и постарайся не шататься.

– А почему это я буду ша... – задохнувшись от неожиданно обрушившейся на спину тяжести, окончание вопроса я проглотил вместе с жалобным стоном, рванувшимся с губ. А Гриша, переместив центр тяжести с упиравшейся в поясницу ноги на колено, которое уткнулось в затылок, подтянулся и оказался на загравке.

– Да не пляши ты! – возмутился он.

– Шы-ы-ы... – только и смог произнести я.

Но браток ответа и не ожидал. Он поднялся во весь рост, весьма чувствительно впечатывая рифленые протекторы ботинок в плечи.

Сверху посыпалась земля, пыль и какие-то мумифицированные насекомые.

Сдерживая желание чихнуть, я прозевал тот момент, когда Гриша, стремительным взмахом, забросил гремлина на поверхность земли.

– Теперь дотянись до веревки, – принялся раздавать команды браток. – А ты, студент, стой спокойно. А то извиваешься как стриптизерша у шеста...

Далась ему эта стриптизерша?

– Дотянулся? Вытаскивай ее. Вот, хорошо. Теперь привяжи один конец к чему-нибудь... Да не к концу, а конец. Студент, не шипи там, ты ведь мешаешь... Что?! Привязать не к чему? Ну подумай головой. А что там есть? Ага. Угу... Студент, мне плохо слышно! Спина? Какая спина? При чем тут какая-то спина?.. Дерево? Маленькое? Тоньше моей руки? А твоей? Подойдет... Стой!.. Это я не тебе. Тьфу ты! Ты вяжи, а ты стой. Привязал? Сбрасывай сюда свободный конец... Что?! Ты оба привязал?.. Студент!

Трос, извиваясь как червяк, соскользнул с края обвала и накрыл кольцами голову Гриши.

Подпрыгнув, браток несколькими стремительными рывками подтянулся до края и перевалился через него.

– Ну вот... Студент, давай – лезь!

Но я не то что лезть, я пошевелиться не мог.

– Ну чего ты там?

– Спина, – сообщил я.

– Интеллигенция вшивая! Хватайся за канат – вытащу.

Я ухватился, Гриша вытащил. Правда, предварительно, рванув слишком резко, стукнул головой о камень.

Растянувшись на земле, я почувствовал, как спине возвращается чувствительность. Первым воспользовалась этим боль, пронзив позвоночник огненным шилом.

– Что-то мне пива хочется, – потянулся Гриша. – Слышь, Ушастый, будь другом...

Глава 4

Сплошь леса девственные да долота нехоженые

Метла не роскошь, а средство передвижения.

Гарри Поттер

– Какой странный дельтаплан, – заметил Гриша, рассматривая стремительно приближающийся к нам предмет.

– Это не дельтаплан.

– А что тогда?

– Метла.

– Да брось ты. Кто же на метлах по небу летает?

– Ведьмы.

– Хм, – задумался Гриша, привычно нашаривая в кармане мобильный телефон. Он видимо решил собрать коллекцию снимков вымышленных существ. Да нет, сказочный в данном случае лишь способ перемещения – верхом на помеле по небу, а сама ведьма вполне реальная. Дородная бабища с толстыми ляжками и неохватной задницей выглядит вполне обыденно. Если не брать во внимание тот факт, что обычно они не демонстрируют прелести всем того желающим и не желающим тоже. Остальных деталей ее внешности рассмотреть не удалось, ибо в этот самый миг ведьма, промелькнув над головой, скрылась за кроной высокого разлапистого дерева, одиноко торчащего рядом с руинами замка. Так же бу-

дет выглядеть знакомая тетя Зина из магазина напротив, раздень ее и усади на метлу. Но вот заставить ее взлететь... Но летит же! Чертовщина какая-то. Вон, даже греmlin озадаченно почесал пятак и выпалил:

– Ёу! Она полетела.

– Улетела, – с некоторой тоской согласился Гриша, уткнувшись в экран мобильного телефона, чтобы получше рассмотреть получившийся снимок. – А разве ведьмы днем летают?

– Ну не знаю, – я пожал плечами, – это первая летающая ведьма, которую я видел.

– А нелетающих значит раньше видел?

– Да сколько угодно, – подтвердил я. – Почти в любом дворе на лавочках шаманят, косточки встречным и поперечным перемывая.

– А ты знаешь, вокруг что-то странное происходит, – как-то неожиданно серьезно сказал Гриша, нервно вздрогнув и перекрестив пузо. Если на его цепок повесить соответствующий крест, которым с равным успехом можно увенчать купол небольшой церквушки, он будет как раз там. – Что-то непонятное.

А то я не вижу, что происходит... Но паниковать пока что рано. Вернее, уже поздно. Да и толку?

– Ты тоже заметил?

– Да, – подтвердил браток. – В воздухе чем-то таким пахнет... нехорошим.

Гремлин шмыгнул носом и отступил на пару шагов, вжав голову в плечи.

– И все? – растерялся я. Неужели браток обратил внимание только на отсутствие смога?

– А что еще? – округлил глаза Гриша.

А гремлин для него – это ничего необычного? А ведьма верхом на помеле, шастающая в небесах? А дома, а дорога... ручей на дне балки, в конце концов, где они?

Истерично хохотнув, я указал в направлении, где должны находиться городская свалка, частный сектор, девятиэтажные дома нового микрорайона и башня районного телецентра.

– Посмотри туда.

Гриша настороженно повернулся и спросил:

– И чего там?

– А ничего. Совсем ничего!

– Ты чё орешь, студент, словно стриптизерша, узнавшая, что силикон больше не выпускают?! В рыло захотел?

– Я не ору! – с трудом взяв себя в руки, ответил я. – Там должен быть город. Улицы, дома...

– Ну да... Ё-моё! А где он?

– Нет.

– Да я и сам вижу, что нет! – взвизгнул браток, тряся меня за грудки. – Куда делся город?

– Не знаю. Думаю, в этом виновата эта чертова дырища.

– При чем тут Маха?

Я посмотрел на него так, что он понял, что сморозил глупость. Но кто же признается в таком? Поэтому Гриша повернулся к гремлину, который с любопытством рассматривал торчащий из земли шлем с лягушонком, плавающим в набравшейся в него воде, и как заорет:

– А ты чего молчал?!

Гремлин испуганно присел.

– Еще пива, босс?

– Давай, – сменил гнев на милость браток. – Только быстро.

– Мы провалились во временную дыру, – я решил поделиться с товарищем по несчастью догадками. Ведь одна голова хорошо, а две... полторы... даже одна целая и одна десятая лучше. – Судя по монументу на въезде в город, основан он двести лет тому назад. Или что-то около того, точно не помню. Значит, сейчас не больше чем одна тысяча восьмисотый год. Вот так.

– А как назад? – заволновался Гриша. – У меня деловая встреча на завтра забита...

– Назад? Никак.

– Совсем-совсем?

– Есть у меня одна идейка, – признался я, – только не считай меня идиотом.

– Не буду, – пообещал Гриша. – Делись.

– Значит так. Я думаю, что тот старик, который был в подземелье на цепях – это тот самый Кощей.

– Бессмертный, что ли? Ну ты шутник.

– Не совсем так. Мы привыкли, что Кощей Бессмертный – это вымышленный персонаж сказок. А что, если он имел реального прототипа? Какого-нибудь могущественного колдуна. Наподобие графа Калиостро или Мерлина.

– И что?

– Вот я и думаю, что мы провалились во времени по его воле.

– Ерунда. Путешествие во времени невозможно, я точно знаю – читал, – заявил браток и, выхватив из рук гремлины банку пива, жадно опустошил ее.

– Это была последняя, – сообщил бывший подкопотный обитатель, ныне оставшийся без крова над головой.

– Черт! Одно к одному, – расстроился Гриша. – Путешествие во времени... бред собачий!

– Но случилось же, – я не собирался отказываться от единственно возможного объяснения произошедшего. Более вероятное сумасшествие неприемлемо из морально-этических соображений и его я рассматривать как версию не намерен.

– Этому должно быть рациональное объяснение.

– Как можно рационально объяснить исчезновение города? – Я развел руками, показывая всю абсурдность этой идеи.

– Ядерный взрыв, – подсказал греmlin.

– Землетрясение, – присоединился к нему Гриша. – Этот... титьканический разлом.

– Мы бы ощутили удар или толчки. Да и пыль, обломки.

Так что, если я прав и мы переместились во времени, то виновен в этом Кощей Бессмертный. И только он может вернуть нас обратно.

– И где ты будешь его искать? В натуре, за базар он должен ответить, а то нехорошо получается.

– Думаю он нас сам найдет, обещал ведь убить.

– Ну это мы еще посмотрим – кто кого, – похлопал по рукояти пистолета браток. – Но это все бред сивой кобылы.

– Почему это бред?

– Потому что галлюцинация.

– Но ведь старик был. Вон, у тебя половины штанины нет. Так какая же это галлюцинация?

– Обыкновенная.

– Но Кощей...

– Шарлатан. Бомж. Псих.

Поняв, что спорить бесполезно, я решил отложить разговор до более подходящего времени, когда Гриша ткнется мордой в такие факты, от которых он не сможет просто так отмахнуться. Что-то такое, по сравнению с чем летающие ведьмы и исчезнувший город покажется песчинкой на фоне пирамиды Хеопса.

– В любом случае торчать здесь не имеет смысла.

– Типа кто-то спорит, – развел руками браток. – Нужно найти кабак и промыть горло. Да и похряцать чего-нибудь не помешало бы.

– А в машине ничего съестного не осталось? – поинте-

ресовался я. Надежды найти кабак в ближайшие час-два у меня не было, равно как и уверенности в том, что вообще удастся отыскать его сегодня. Вдруг нестерпимо сильно захотелось поднять голову к небу и взвыть-заорать: «Верните меня назад!» Вот, ей богу! Если бы встретил сейчас Кощея Бессмертного, то ударил бы его по лицу, и не посмотрел бы на свое интеллигентное – в три колена – происхождение.

– Ушастик, – повернулся к гремлину браток, – смотайся юрким кабанчиком, поройся в багажнике.

– Погоди, – остановил я гремлина.

– А ты моим зверьком не командуй! – набычился Гриша.

– Я не командую. Но если он привяжет к веревке сумку, то сможет нагрузить ее, а не носить по одному бутерброду.

– Нет там бутербродов, – буркнул браток, – а у тебя нет сумки.

– А в машине?

– Возьмешь на заднем сиденье. Только все барахло Машкино вытрусил... аккуратно. И прихвати мою куртку. Что-то холодает...

– Вечереет.

Браток покосился на меня, но ничего не сказал.

– Бутылки с прозрачной жидкостью брать? – спустя пару минут прокричал снизу гремлин.

– Зачем нам водка? – поинтересовался я.

– Нет там водки, – приуныл Гриша. – Минералка.

– Так что, брать? – донеслось из подземелья.

– Бери! – перехватив инициативу, прокричал я в ответ. И добавил для братка: – В дороге без воды трудно.

– Тебе нести, – пожал плечами Гриша.

«Ну и ладно... козел!»

– Что ты сказал? – насторожился браток.

– Ничего, – покачал головой я. – Что-то долго гремлина нет... Эй! С тобой все в порядке?!

– Ушастый! Заснул, что ли?! – крикнул Гриша, сложив руки рупором и склонившись над темнеющим зевом дыры. Рассмотреть сверху крышу джипа можно легко, а вот с остальным хуже.

– Готово, босс. Тяните! Вира!

Возился гремлин долго, но постарался на славу. Он набил спортивную сумку так, что мы едва вытащили наверх.

Правда, когда начали разбирать, то оказалось, что кроме пары баночек соленых орешков и пятилитровой бутылки минеральной воды «Мечта Менделеева» ничего съедобного нет. Зато есть газовый ключ, и домкрат тоже.

– А это что за коктейль Молотова? – поинтересовался я, рассматривая пивные бутылки, наполненные резко пахнущей темной жидкостью и старательно заткнутые в качестве пробки ветошью. – Бензин?

– Да, это мне, – признался гремлин, пытаясь выбраться из провала, но его когтистые пальцы никак не могли зацепиться за жухлую траву и соскальзывали.

Я ухватил его за шкурку и достал из провала. И тотчас

сполз на землю от хохота.

– Ты чего? – насупился Гриша.

Ответить я не смог, давясь беззвучным смехом. Вместо этого просто ткнул пальцем в сказочного обитателя джипа.

– Я же сказал, сложить аккуратно! – набросился на подопечного браток.

– Да я это... – смутился греmlin, пытаюсь спрятать за спину длинный предмет из ярко-красной резины. Получалось это у него плохо. То ребристая рукоять из-под локтя выглядывала, то тупорылый оголовок в ухо упирался. – Места ведь здесь дикие, вдруг обороняться придется...

– Этим? – только и произнес я.

– Ну... да. Отличная дубинка.

– Это Машкино, – тыча пальцем в импровизированную дубинку и новоприобретенные детали гардероба гремлина, заявил Гриша.

– Разумеется, – я не стал спорить. У меня воображения не хватит представить братка в розовых чулочках, один из которых на манер колпака деда Мороза венчает голову гремлина, и подвязках, поддерживающих в данный момент ярко-красную дубинку того же гремлина. – Наверное лучше оставить это в машине.

– Немедленно! – поддержал меня браток.

– Я же хотел как лучше. Сорри...

Гремлин виновато, но в тоже время с некоторым налетом обиженности вздохнул и полез вниз.

– Пошли туда, – предложил Гриша, указав направление, в котором скрылась летающая ведьма.

Я задумчиво вздохнул, с надеждой (которая не оправдалась) поинтересовался у братка состоянием мобильного, покосился на разрушенный замок, который вроде как за несколько последних часов вырос в размерах, да и стены его успели частично отреставрировать. Это, конечно мелочь, по сравнению с исчезновением города, но прекрасно согласуется с версией про перемещение во времени. Двести лет назад руины замка и должны были выглядеть не столь ветхими, как в наше время. А затем согласился:

– Пошли. Других тропинок все равно не наблюдается. Не в болото же лезть?

На том и порешили.

Первым на тропу встал Гриша, на правах выдвинутого самим собой и тем же составом одобренного предводителя нашей группы. За ним пристроился греmlin, мелко семенящий короткими кривыми ножками. При этом он бережно прижимал к груди одну из бутылок с бензином, время от времени с видимым наслаждением вдыхая дурманящий аромат и смакуя мелкими глотками. Токсикоман чертов. Замыкать шествие пришлось мне. Я забросил сумку на плечо, предварительно выложив домкрат и газовый ключ, полезность которых в пути представляется минимальной. Сорвав метелочку неизвестной травы, я сунул ее в зубы и предался размышлениям. Метелочка попалась горькая, да и мысли лезли в

голову все больше невеселые. То про дыбу, на которой лазутчики вражеские в грехах каются, то про люд лихой, которыми леса местные издревле славились. За двести лет люди очень сильно изменились. А ведь может случиться, что забросил нас Кощей не на двести, а на триста, пятьсот, а то и на тысячу лет в прошлое. О, ужас! Здесь же компьютеров еще нет!

– О, прекрасный дуб! – обрадовался Гриша.

– Почему? – спросил я, не видя в ветвистом великане ничего такого, что разительно выделяло бы его из ряда сородичей.

– Зов природы, – пояснил Гриша, расстегивая ширинку, и что-то добавил. Но я его не расслышал за журчанием пивного потока. – Ай!

– Что случилось? – подпрыгнул я.

– Он в меня желудем запустил, – потирая макушку, ответил браток.

– Кто?

– Дуб.

– Дуб? В смысле дерево? – уточнил я.

– Дерево! И не нужно со мной как с идиотом разговаривать, я сам прекрасно понимаю, как это глупо звучит. Он запустил в меня своим желудем, понятно?!

– Да я разве спорю? После гремлины и ведьмы я готов поверить и в древня и... и... короче, в кого угодно.

– Вот именно. Пошли, нечего прохлаждаться. Я нюхом

чую, эта тропинка приведет нас туда, где вкусно накормят и напоят. На баланде такие формы не наедают.

– Боюсь, что наши деньги здесь не ходят...

– У меня евро и баксы, – Гриша достал из кармана туго набитый бумажник и продемонстрировал его мне.

Напомянуть спутнику о том, что в тысяча восьмисотом году про евро никто и слыхом не слыхивал, я не стал. Вот прибудем, тогда и будем думать, чем расплачиваться за ужин. В крайнем случае, цепь Гришину толкнем – в ней золота хватит весь кабак с прислугой купить.

– А ты заметил, что здесь мусора нет, – я указал на девственно чистый лес.

– Да чего тут мусорам делать-то? – хохотнул Гриша.

– Я серьезно. Такое впечатление, что здесь людей не бывает. Ни следов от костра, ни мусора... в смысле, нет консервных банок, пивных бутылок и пачек из-под сигарет...

– Ну не ходят сюда люди, и что?

– В наших лесах таких мест больше нет. По крайней мере в тех, которые расположены рядом с большими и не очень городами.

– Вот придем, и все узнаем, – отмахнулся браток.

– Пришли. Кажется...

– Что это? – вытаращил глаза Гриша.

А чего он интересно ждал, следуя за ведьмой?

Может я и излишне предвзят к женщине на помеле, называя ее так категорично – ведьмой, но что-то не верится,

что это добропорядочная домохозяйка, оставив дома мужа, детей и свои одеяния, отправилась в ближайший гастроном, или чего там у них в тысяча восьмисотом году было, муки с яйцами прикупить.

Глава 5

Кто в теремочке живет?

Метод кнута и пряника подразумевает применение кнута в качестве стимула работать, а пряник должен быть сухим и черствым, чтобы зубы поломали и не могли огрызаться.

Мечта любого правителя

На самой верхушке лысого холма, торчащего среди лесной чащи словно прыщик на небритой морде, на пне некогда могучего дерева сооружена избушка. Она выглядит именно так, как должна выглядеть обитель лесной ведьмы. Почему лесной? Да потому что у городских на окнах белеют шелковые занавески, на подоконниках стоят горшки с геранью, и вообще... они живут в городе. Здесь этого ничего нет. В окнах белеет паутина, на подоконниках зеленеет мох, а вокруг шумит дубрава. Почему ведьмы? Да потому что какая иная женщина согласится украсить козырек своего дома не петушком – золотым гребешком, а черепом оленя с ветвистыми рогами, в которых сплела гнездо пара аистов? А использовать вместо дверной ручки человеческую волосатую ступню? Про пучки сушеных змей и ящериц, шелестящих на ветру под козырьком порожка, я вообще умолчу.

А так избушка как избушка. Разве что двухэтажная, но в остальном похожа на те, что рисуют в учебниках истории.

Сложенное из едва-едва отесанных бревен строение, крытое соломой. Дверной проем очень низкий, редко какой китаец не пригнувшись войдет, а оконца и того меньше. Матовым бельмом белеющие в них рыбы пузыри не иначе как принадлежали при жизни пескарям или какой другой плотве.

– Босс, – испуганно спрятался за спину Гриши гремлин, – здесь нечисть водится, вот те крест.

– Кто бы говорил... – заметил я.

– А что я?! Я ничего. Я ведь свой в приборную доску, а они...

– В этой дыре поди и спутникового телевидения нет, – скривился браток.

– Здесь вообще телевидения нет, – напомнил я. – Нигде. И еще довольно долго.

– А как же они живут?

– По-разному. Не в телевидении счастье, и не в электричестве, и не в теплом санузле, и...

– Здесь даже света нет? – прозрел Гриша.

– Почему же? Есть. Свечи и лучины. Может даже керосинки уже изобрели.

– Давай еще дома поищем, а? Пускай без телевизора, но чтобы хотя бы электричество было.

– Босс, мне тоже здесь не нравится, – признался гремлин, заметно заплетающимся языком. Бутылка в его руках опустела на треть. Что ж... каждый борется со стрессом по-своему.

– Думаю, до ближайшего жилища не один час идти, – сообщил я и решительно направился к избе. Но не сделал я и пяти шагов, как путь мне преградила псина. Не то чтобы очень уж гигантского размера, но однозначно адского характера, на что ненавязчиво намекают все три оскаленные пасти и все шесть пламенеющих глаз.

– Р-р-р... Тяв!.. Ры-ы-ы...

– Ц... ц... – от испуга я начал заикаться.

– Я тебе цыкну! – произнесла средняя голова адского пса, впившись в меня яростным взглядом.

Я отрицательно замотал головой, пытаюсь сказать, что не цыкать на него собирался, а хотел по имени обратиться. Обычно на животных, хотя бы частично одомашненных, звуки их клички действуют успокаивающе.

Бабах! – прогрохотало у меня за спиной. Мимо уха, взъерошив волосы, просвистела пуля.

Я распластался на земле, накрыв голову руками.

– Апчхи!

Но повторного выстрела не последовало.

Вместо этого открылась дверь избушки и на пороге возникла старуха неопределенно древнего возраста и неопишимо отгалкивающего облика. В молодости, при всплеске буйной фантазии, ее можно представить статной девицей под два метра роста, с роскошной черной косой и острым носиком. Но прожитые века, ибо годам с этим не справиться, внесли в облик хозяйки торчащего посреди леса домика гло-

бальные изменения. Спину изогнуло колесом, отчего образовавшийся горб оказался выше головы, а рост несчастной уменьшился вдвое. Если бы я увидел ее издали, подумал бы, что это гном или каменная баба с кургана. Некогда острый вздернутый носик еще больше заострился и, вытянувшись в длину, поник, сделавшись похожим на пупырчатый огурец. Губы усохли до тоненьких ниточек, обнажив беззубый провал рта... Ой! Извините. Не досмотрел. Один зуб все же остался. Желтый, острый как клык саблезубого тигра, он нависает над нижней челюстью и немного выступает за кончик носа. А вот глаза у древней карги молодые. Это пугает до оторопи. Да... это совсем не та ведьма с приятными взору формами, которая промелькнула над нашими головами у руин замка. Та наверное дальше полетела.

– Почто песика забираете?! – грозно спросила хозяйка избушки, уперев руки в боки и нахмутив колючие ежики седых бровей. Небо как-то молниеносно заволочло грозowymi тучами, на горизонте начали ветвиться сполохи молний, в лицо ударил резкий порыв пронизывающего до костей ветра...

– Апчхи!

Треглавая псина опустила на хвост и, сфокусировав на мне взгляд всех трех своих пар огненных глаз, поддакнула:

– Да!

Я повернулся к Грише, предоставив ему возможность отвечать за свой выстрел.

При всем желании ответить он уже не мог.

Вместо братка стоит его каменная статуя, на которой успели пару-тройку раз отметить голуби. И где они только взялись? Вроде же не видел ни одного... Гремлин исчез, возможно убежал с перепугу.

– Чего молчишь?! – в голосе старой карги появились злобные нотки. – С тобой разговариваю.

– Со мной? – на всякий случай уточнил я.

– С тобой, касатик, с тобой, – подтвердила старуха, перехватив метлу с корявой рукоятью и пучком растерявших иголки еловых ветвей на манер шеста шаолиньских монахов. – Дружок-то твой, колдун заморский, нынче не особо разговорчив.

– Что вы с ним сделали?!

– В камень обратила, – оскалилась старуха. – Мы хоть люди и дремучие, но тоже кое-чего наворожить можем. Так что отвечай лучше, кто таков?

– Иван.

– Наш значит? Добрый молодец, поди? – опустила клюку старушенция.

– Не то чтобы так уж, – я несколько растерялся. – По-разному бывает.

– А чего тогда приперся, песика напугал?

– Тяв!!! – в три пасти поддержал возмущение хозяйки трехглавый пес. Вернее, кутенок. Хотя и размером с хорошего теленка.

– Цыкал на меня, – доложила средняя голова.

– Не цы...

– И чего тебе от Бабы Яги надобно?

– Так вы бабушка Яга? – прозрел я. Кощей Бессмертный, а теперь еще и Баба Яга... кажется не в восемнадцатом веке мы очутились, ох, не в восемнадцатом. Но вот этого точно быть не может. Сказки все это... то бишь вымысел.

– А то кто ж? Баба Яга собственной персоной и есть.

– Круто!!!

– Да чего там, – засмушалась ведьма. – Мы люди тихие, за славой не гоняемся.

– Я про вас столько слышал...

– Сказки, – отмахнулась Яга.

Вот тут я не нашел что возразить. Вроде как действительно... сказки.

– Да ты проходи в избу, пирожками попотчую, – предложила ведьма, сунув метлу под мышку.

Трехглавый пес подошел ко мне, и пока средняя голова обнюхивала, правая залезла в сумку, а левая схватила зубами шнурок и потянула на себя.

– Хороший, Цербер, – погладил я мутанта поочередно по трем загривкам.

– Как ты сказал? – подскочила Баба Яга.

– Цербер.

– Точно! – Ведьма смачно треснула себя по лбу. – Вот ведь память дырявая... Совсем запамятовала.

– Что?

– Да как песика зовут... Цербер. Точно. А ты откуда знаешь?

От пронзительного взгляда голубых глаз стало неуютно, словно стою я перед старой каргой в чем мать родила, и она это самое «в чем родила» пытается с меня содрать. Вместе с кожей.

– Ч-ч-читал.

– Как? – растерялась Яга.

– Черным на белом.

– Тьфу ты, срамота какая! Содом неприкрытый...

Не зная как отреагировать на последнее высказывание древней ведьмы, я сделал вид, что вот только сейчас в голову пришла неожиданная мысль.

– А я думал, у вас избушка на курьих ножках. А она на обыкновенном пне.

Баба Яга молодецки прыгнула с крыльца на землю и уставилась на жилище с таким видом, что я заранее заткнул уши, ожидая истеричного вопля: «Окорочка украли-и-и!!!»

Но крика не последовало. Ведьма, по-старчески кряхтя, повернулась ко мне и, оперши скрещенные руки на помело, пояснила:

– Так ить избушка-то на яичках сидит, вот лапки и поджала.

– Это как?

– Ну как-как?! Обыкновенно. Ты что ли ни разу не...

– Слава богу, ни разу. Это ведь должно быть ужасно больно!

– ... ни разу не видел, как несушка на яйца садится, цыпляток высиживая.

– Так изба что, цыплят высиживает? – уточнил я, невольно покраснев.

– Почему цыплят?

– Но вы ведь сами сказали, что дом... э-э-э... изба на яичках сидит.

– Сидит. Но она же не курица, чтоб цыплят высиживать.

– Так у нее из яиц избушки вылупятся? – Сказать, что я обалдел, значит ничего не сказать. Хотя как-то же они размножаться должны, почему не так?

– Ага.

– Ни фиги себе!

– Фига, – согласилась Яга. – Так ты идешь в избу? Самовар поди совсем остыть успел.

– Иду, но...

– Что?

– Можно Гришу расколдовать? Пожалуйста.

– Это колдуна заморского, что Цербера обидеть хотел?

– Он не колдун, – заступился за братка я. – Он просто испугался.

– А не брешешь? – подозрительно прищурила правый глаз Баба Яга.

– Честное пионерское! – Слова соскочили с языка рань-

ше, чем я сообразил, чем собираюсь поклясться, но, к моему вящему удивлению, древняя карга серьезно кивнула в ответ.

– А коли сниму с попутчика твоего наговор, не станет он женщину слабую и беззащитную забижать?

– Нет.

– Ну тогда ладно.

Баба Яга подняла помело и, смахнув с носа окаменевшего Гриши воображаемую пыль, направилась в избу.

– Но он не расколдовывается, – осторожно коснувшись пальцем твердой щеки братка, заметил я.

– Долгое это дело, хорошо ежели денька через три-четыре в себя придет, – пояснила ведьма.

– А быстрее никак нельзя?

– А ты куда-то спешишь?

– Нет... но да.

– Быстрее не могу, – вздохнула Яга. – Ежели сразу наговор снять, так живая вода для того нужна.

– А она существует? – заинтересовался я. Мне бы бутылочка, а то и две не помешали.

– А то как же, существует. Только добыть ее трудно. Ежели желаешь, так я тебе клубочек путеводный дам, он тебя приведет куда надо.

– Давайте! Я сбегаю.

– Поешь хотя бы на дорожку, – посоветовала Яга. – Путь тебе предстоит далекий. Горами, что до небес головами седыми достают, песками, что всякому путнику пятки огнем

палят, лесами нехоженными, куда и лешие ходить не отваживаются, реками, озерами, морями...

– Пожалуй, лучше я несколько дней подожду, пока Гриша сам откаменеет.

– А и то дело. Заходи.

– А он? – указал я на окаменевшего братка.

– А чего с ним станется? Он же каменный.

– Все равно нехорошо, – засомневался я. – Пойдет дождь, намочит.

Баба Яга отрицательно покачала головой.

– Дождя нынче не будет.

– Но тучи... – неуверенно возразил я, подняв очи к ясному, но уже темнеющему к ночи небу.

– Тучи? Так это я сердилась.

– Ого!

– Ладно, – махнула рукой Баба Яга. – Можешь занести своего попутчика-колдуна на второй этаж, но чтобы оттуда он ни ногой.

А как она это себе представляет? Что статуя сама ножками – топ-топ... Как каменный гость?

– Так я его не подниму. Может привязать к метле и помаленьку...

– Эх, Ваня-Ваня-Ванюша... Он хоть и каменный, а все же не тяжелее того, как прежде был. Откуда ему веса лишнего взять?

Пришлось мне, взвалив Гришу на спину, нести в избу.

– Тяжелый, зараза! – прошипел я, с трудом протиснувшись с несгибаемой ношей в узкий дверной проем.

– Была бы охота тащить, – махнула рукой на мои усилия ведьма, подкладывая длинные щепки на прогоревшие угли.

К тому времени когда я спустился, оставив братка на втором этаже, грозить поднятым пистолетом пролетающим мимо окна воронам, Баба Яга заварила душистый липовый чай и выложила на тарелки ароматные пирожки.

– Угощайся, добрый молодец, – предложила она. – Аль ты уже богатырь?

– Спасибо, – поблагодарил я. – Только я не добрый молодец и в богатыри не гожусь.

– Значит – дурак.

– Это почему? – обиделся я.

– А ко мне иные не ходят, – пояснила Яга. – Либо добрые молодцы по своей воле за советом приходят, либо дураки. Только этих все больше суженые ко мне посылают. Словно и послать больше некуда...

– Мы случайно к вашей избушке вышли, – чавкая полным ртом, пояснил я. Таких вкусных пирожков с мухоморами я никогда не пробова... Мухоморами?!

– Ты чего? – с беспокойством смотря на мое побледневшее лицо, заволновалась ведьма.

– Мухоморы, – простонал я, чувствуя, как перед глазами появляется туман, в желудке разгорается огонь, руки слабеют...

– Да ты не иначе решил, что я тебя отравить решила? – рассмеялась Яга. – Не бойся, я эти грибочки так умею приготовить, что от них организму никакого вреда не приключится. Даже наоборот.

Баба Яга не солгала, я не отравился. А когда решился угоститься еще одним пирожком – хозяйка их с таким аппетитом уминала за обе щеки, что у меня слюнки бежали, – то понял, что более полезного продукта в природе просто не существует. В теле образовалась поразительная легкость, мысли сделались неожиданно витиеватыми, а настроение как-то незаметно поднялось до гармонии со всем светом.

– А вот скажи мне, бабушка Яга, – на сытый желудок во мне проснулось любопытство, – какой нынче на дворе век?

– На дворе?

– На дворе.

– Вестимо какой. – Ведьма подлила мне чая и подложила пирожок. – Тот же, что и в избе.

– А в избе какой?

– А ты точно не дурак, а Иван? – с подозрением спросила Яга.

– Да точно.

– И то правда, на государя ты не тянешь. Так вот, в избе век тот же, что и на дворе. А еще буквы читать умеешь...

– И даже слова, – вздохнул я. – И словосочетания, и предложения, и абзацы...

Баба Яга пришибленно замолчала, вытаращив глаза. Ви-

димо не подозревала во мне таких познаний. А чего она хотела, два высших образования как минимум обязывают уметь читать.

– Может еще по пирожочку, – предложила ведьма, обнажив в улыбке свой прославленный клык. – Чайка с медком гречишным...

– Разве что по одному, – неуверенно согласился я. С моим ростом на длину желудка жаловаться не приходится, но на объем...

– По одному, значит по одному.

– Гав!

– Чего тебе? – повернулась к Церберу Яга.

– Тяв-тяв! – возмутилась средняя голова.

– Р-р-р... – возразила левая.

А правая голова кутенка тем временем сосредоточенно наблюдала за маневрами серой мыши, умудрившейся стянуть со стола пирожок и теперь отчаянно проталкивающей его сквозь узкую щель в полу.

– Скажи по-человечески, чего хочешь?

– Гав! – заявила левая голова.

Средняя же лишь довольно оскалила пасть, с видом непомерного собственного достоинства созерцая окружающих.

– Средняя, чего левая лает? – поинтересовалась Яга.

Но средняя голова пса, не обращая внимания на рычание соседки, промолчала.

– Цербер, – многозначительно произнесла ведьма.

– Жрать хочет, – нехотя ответил пес. – А я не хочу.

– Хорошо, что ты имя его напомнил, а то ведь не заставишь делать, что не хочет.

– Можно у самого Цербера было спросить.

– Так бы я и ответил... – скривилась средняя песья голова словно в приступе зубной боли.

Баба Яга достала из печи очередную порцию пирожков и протянула один трехглавому щенку адской сторожевой.

– Обожжется! Горячий ведь...

– Для него в самый раз, – успокоила меня Яга.

Цербер дернулся частично за угощением, частично в противоположную сторону, а еще на треть уперся, желая узнать, чем закончится борьба мыши с пирожком.

После непродолжительной, но яростной борьбы, в результате которой оказалась поваленной на пол табуретка и ссунут под стенку половик, пирожок оказался-таки в пасти левой из голов.

– Еще чайку? – любезно предложила мне Баба Яга.

– Больше некуда, – я демонстративно похлопал себя по округлившемуся животу.

– Ну по глоточку.

– Лопну.

– А мы по маленькому, – подмигнула древняя ведьма. – А и лопнешь, заштопаю, как новенький будешь. Даже лучше. Вот давеча дохтер Франкенштейн приезжал, у него медведь приятеля на части порвал, так я его из кусков собрала,

словно пазл какой, и ничего, шустро так за дочтером побежал. Отблагодарить, наверное, хотел. Тот едва-едва на коня запрыгнуть успел. Так что не бойсь... Чайку?

Я поспешно согласился. Подмигивающая Баба Яга – зрелище не для слабонервных.

Вот так, за пирожками с чаем мы и провели вечер.

Где-то на восьмой или десятой кружке чая меня пробило на откровенность, и я поведал Яге, как оказался здесь. В смысле, в этом времени.

– Ох ты ж, страсти какие! Кощей говоришь?

– Кощей.

– Эх, – опечалилась ведьма, – закончились спокойные деньки. Этот всех взбаламутит. А точно он, не обознались?

– Он сам так сказал, – не очень уверенно ответил я, смутно припоминая подробности освобождения и исчезновения узника подземелья.

– А какой он из себя?

– Глазища черные-черные, зубы как у крокодила, а сам страшно худой. Сперва почудилось, что это труп, а оказалось...

– Он, – решила Баба Яга. – Знать дорога твоя лежит напрямиком во дворец.

– Но я же не виноват.

– Это дело прошлое, – отмахнулась ведьма. – Нужно думать, как теперь одолеть супостата.

– Легче легкого, – я решил блеснуть знаниями сказок. –

Разбить яйцо...

– Это не метод.

– Да не то!

– А ты о чем?

– Так это... – замялся я, – иголку чтобы достать и кончик ей отломать.

– Нельзя, – назидательно покачала корявым черным ногтем устрашающей длины перед моим носом Яга. – Он же недаром Бессмертный.

– Что, не помрет? – помрачнел я.

– Отчего же... помрет.

– Ну вот! – обрадовался я. – Чего нам и надобно.

– И тотчас воскреснет. Еще злее прежнего.

– Ну это-то как раз не удивительно, – заметил я.

– Это как?

– Ну если ли бы мое яйцо разбили, то я тоже не очень в хорошем настроении пребывал бы, когда воскрес.

– Хватит пустые разговоры говорить! – заявила Баба Яга. – Не нашего это ума дело, как с Кощеем Бессмертным сражаться. Нам нужно Ивана-дурака предупредить, пушай он его наново изловит и на цепь посадит. А вы уж пособи-те ему в том – одной долей ныне связаны. Либо одолеете совместно Кощея Бессмертного, либо сгинете поодиночке. А земля наша русская погрузится во мрак на долгие века... Так что завтра поутру, отправляйся ты, Ванюша, во дворец. Путь туда неблизкий, опасный... да и поспешать надобно.

– А почему завтра? Вот Гриша вернется в естественное состояние, мы вдвоем и пойдем.

– Вдвоем с колдуном оно спокойнее было бы, да и начали вы это вместе... – наморщила лоб Яга. – Пускай так и будет. Погостишь у меня пару деньков, отъешься маленько, а там и в путь-дорожку, во стольный град. Да не мешкайте в пути, Кощей ведь вам нынче вроде как враг кровный, ведь ежели обещал убить, так постарается непременно выполнить обещание.

Несмотря на ночь, опустившуюся на землю, спать совершенно не хотелось. Видимо, сказалось перенасыщение организма впечатлениями, липовым чаем и пирожками с мухоморами. Поэтому мы с древней ведьмой до утра просидели за столом, ссунув на угол тарелки с самоваром, и ведя неспешную беседу. Баба Яга давала советы относительно лучшего пути в стольный город. Какие буреломы можно пройти напрямик, а в какие лучше не соваться, больно злые лешие там обитают. Где лучше искать лодку, чтобы сплавиться по речке, а где и пешочком вдоль берега пройтись, поелику тамошние водяные подданных новых ищут.

За мутным пузырем окна заалел рассвет.

К этому времени Цербер давно дрых в печке, зарывшись в угли и сладко сопя в три носа. Лишь сажа клубится да искорки алеют на черной как сажа шерсти.

За окном что-то грохнуло, донесся счастливый девичий визг. Избушка вздрогнула, издала квохчущий звук и вновь

затихла.

Потирая спину и то, что пониже, с моей помощью поднялась на ноги Яга. Она тяжело вздохнула и пояснила, указав в сторону окна острым подбородком, покрытым редкой, но жесткой порослью:

– Ученицы. Из самого стольного града сюда прилетели. Одна моя знакомая очень просила обучить их ворожке да прочим премудростям ведьмовского дела. Так что смотри мне, чтобы к девицам «ни-ни»! Понял? – хитро подмигнула Яга.

– Понял, – на всякий случай согласился я.

Древняя ведьма подхватила метлу и вышла во двор, оставив меня одного.

Спать по-прежнему не хотелось, поэтому я решил выйти во двор и понаблюдать за обучением ведьмовскому делу.

Интересно ведь... посмотреть на учениц.

Глава 6

Частные уроки Бабы Яги

Мы все учились понемногу, чему-нибудь, на ком-нибудь...

Джованни Казанова

– Как изловишь молодца, – назидательно произнесла Баба Яга, – так немедля его...

– Под ракитовый кустик? – с надеждой в голосе поинтересовалась блондинистая девица, высунувшись из-за плеча подруги.

– В баню.

– А может под кустик ракитовый? Так-то оно для девицы поприличнее будет...

– Потом накорми, напои...

– И под кустик?

– Цыц, вертихвостка! Все бы тебе в кустиках озорничать.

– Это во мне натура ведьмовская, – развела руками блондинка. Судя по тому, что обрисовывает сарафан и дорисовывает воображение, натура у девицы что надо. Любой художник почтет за счастье иметь такую натурщицу... Не в смысле женщины! В этом смысле любой почтет за счастье. А в качестве натурщицы для образа богини любви и красоты. Да и подружка у нее не хуже. А то и красивее. Немного меньше

в некоторых броских в глаза местах, но на мой вкус так даже лучше. Утонченнее.

– Сказала бы я тебе, что это за натура, – скривилась Баба Яга. – Сама в молодости бывало как... ну да это пустое.

– А для чего добра молодца кормить и поить? – поинтересовалась блондинка, выглядывая из-за спины черноволосой подруги. Туда она спряталась, уклонившись от помела, древком которого Яга попыталась треснуть по лбу непослушную ученицу. Но поскольку блондинка оказалась проворнее и успела спрятаться, то помело лишь чудом не задело вторую ученицу.

– А кормить добра молодца нужно потому, что он же добрый, значить, без закуски пить не будет. Это злодею все одинаково, лишь бы буркала свои бесстыжие залить...

– А зачем поить?

– Понимаешь, доченька, добры молодцы – они народ все больше рослый, крепкий да плечистый. Такой в ухо звезда нет – мало не покажется. А уж коли в лоб – согнет в три погибели. Поняла?

– Не-а... – покосившись на горб Яги, ответила ученица.

– А с чего добрый молодец захочет в ухо бить? – поинтересовалась брюнетка.

– Нет уж, – не дав Бабе Яге рта раскрыть, протянула блондинка, – с таким под кустики не хо...

Бом!

На этот раз древняя ведьма оказалась проворнее и доста-

ла-таки непослушную ученицу помелом.

– Добрый молодец, не смотри, что он добрый, тоже не согласится добровольно в печь лезть.

– А что ему там делать? – в один голос спросили ученицы. – Он же не трубочист.

Яга тяжело вздохнула, облокотилась о клюку и, побряхывая, поинтересовалась:

– На кого вы, девоньки, на кого, прелестницы, учиться пришли?

– А мы не пришли, – за двоих ответила более бойкая на язык блондинка, – нас ма... мастерица на метлах отправила.

– Не суть важно. Так на кого вы учиться намерены?

– На ведьм.

– А для ведьмы какой продукт наипервейший в рационе? – с хитринкой во взгляде спросила Яга.

– Хлеб? – спросила брюнетка.

– Пряники медовые, – предположила блондинка.

– Эх вы, двоечницы! Для нас – ведьм – главный продукт – это добрые молодцы, запеченные в собственном соку да с яблочками. А ежели петрушкой украсить, да рябиной огненно-красной, так и за уши не оттянешь.

Брюнетка нахмурилась, блондинка позеленела, а я не выдержал и прыснул в кулак. Ну нельзя же такую ахиною всерьез воспринимать... Или «зя»?

Ученицы испуганно подпрыгнули и в один голос взвизгнули:

– Добрый молодец!

– А вот и главное блюдо пожаловало, – произнесла Яга, довольно потирая ладоши и подмигивая мне. – Ну, ученицы, ведите гостя в дом и сделайте все, как я вас учила.

– Как учила, как учила... – проворчала блондинка. – Кто его знает, сколько его поить нужно. Вдруг мало окажется... – Почесав ухо, она вздохнула и прошептала себе под нос: – Уж лучше бы под раkitовыми кустиками...

Я сделал вид, что не расслышал, но покраснел. Кто бы спорил. Она девка видная: на лицо весьма и весьма миловидная, телом статная, фигуристая, есть где глазу порадоваться, а уж ежели... Но Яга строго-настрого предупредила: «Ни-ни!» – и пальчиком погрозила. Не хочу рядом с Гришей стоять с протянутыми руками, полуспущенными штанами и закамневшей улыбкой на лице.

– Садись! – указала на лавку блондинка.

– Будешь пить! – поддержала ее черноволосая подружка.

Я сел и тотчас заявил:

– А пить не буду.

– Это еще почему?! – в один голос возмутились ученицы. – Ягушечка, он пить отказывается...

– Сделаем вид, что меня здесь нет, – заявила Баба Яга, устроившись в углу и легонько стукнув перевернутым верху метелкой помелом об пол. И добавила, прямо на глазах делаясь невидимой:

– Сами справляйтесь.

Подружки переглянулись и, усевшись напротив меня, завели между собой разговор.

– Что будем делать?

– Поить.

– А как?

– Не знаю. Может ты его поддержишь, а я в рот залью.

Я невольно улыбнулся, представив эту картину.

– А если по лбу стукнет?

Девушки дружно засопели, сверля меня сердитыми взглядами.

– Устраивать на первом же занятии проверку – это нечестно, – заявила блондинка.

– Я все слышу, – напомнила о своем присутствии невидимая Яга.

Блондинка, в дополнение к достоинствам роскошной фигуры обладавшая также искристым взглядом изумрудных глаз, от которого начинают трепетать струны любой мужской души, посмотрела на меня и напрямик поинтересовалась:

– А ты точно добрый молодец?

– А что? – вопросом на вопрос ответил я. – Не похож?

– Да кто вас глухоманьских знает, вдруг ряженный. Вон, вещи на тебе странные, сразу видно, заморские.

– И что?

– А то!

– Что «то»?

– Ничего, – надула губки блондинка. – Негоже доброму

молодцу девице порядочной в просьбе ее малой отказывать.

– Так вы попросите, может я сам в печь залезу, еще и яблоко в зубах держать буду и укропа веточку засуну.

– Куда? – спросила брюнетка.

– Куда надо. В ухо.

– Правда?

– Нет. Несмотря на молву, среди добрых молодцев самоубийц нет. И так всегда уйма злодеев найдется, которые так и мечтают нас со свету сжить.

– Значит, не полезешь?

– Не полезу.

– Надо поить, – констатировала блондинка.

Ее черноволосая подруга задумчиво ущипнула себя за кончик носа и на всякий случай уточнила:

– А может выпьешь, чтобы традицию не нарушать?

– Нет, – отрицательно покачал головой я, смотря прямо в ее голубые глаза и чувствуя, что тону в них.

– Значит, ты не добрый молодец... – скривила губки блондинка.

– Значит, вы не пройдете испытание... – в тон ей ответил я, решив еще чуть-чуть помучить их, а потом сдаться. Да и как откажешь таким прелестным девушкам?

Яга тихонько хихикнула в своем углу.

Ведьмовские ученицы переглянулись и с дикими воплями бросились на меня.

В первый момент я онемел от неожиданности.

Брюнетка отпихнула в сторону стол, мешающий маневру, а блондинка незамедлительно прыгнула мне на шею.

Я едва успел поймать ее в объятия и вскочить на ноги, в попытке удержать равновесие, как следом на моей шее, с криком: – Будешь пить?! – повисла брюнетка.

Проснувшийся Цербер с радостным трехкратным «Гав!» и «Гаси стукача!» последовал за ними, оставляя за собой шлейф золы.

Сразу столько счастья, обрушившегося на одного меня, я не выдержал и повалился на пол. Образовалась «куча мала».

Крики, игривый визг, когда в попытке выбраться из-под навалившихся на меня тел я ухватился за что-то упругоподатливое, крайне приятное на ощупь, троящийся собачий лай и залиvistый хохот старой ведьмы, мерцающей в своем углу при каждом ударе помелом об пол.

– И чем вы там занимаетесь? – с неприкрытой подозрительностью в голосе поинтересовалась Баба Яга минут через пять. К этому времени я уже был наверху, хотя это и стоило футболки, оставшейся в зубах Цербера. Бутылка из-под зелена вина, о чем гласит корявая рукописная надпись на этикетке, как-то очень быстро опустела и отлетела в сторону. Как тут не вспомнить: «...и я там был, вино пил, по усам текло, но в рот не попало». Со мной та же картина. Вот разве что вместо усов, которые я никогда не отращивал, текло по трусам. Это надо же было так ошибиться!

– Ой! – первой спохватилась брюнетка. Выскользнув из-

под меня, она вскочила на ноги и принялась одергивать подол сарафана, поправляя одновременно выбившуюся из-под косынки косу. В эту минуту ее раскрасневшееся личико показалось мне столь прелестным, одухотворенным... что дыхание перехватило от щемящего восторга.

Блондинка переходила в вертикальное положение значительно дольше. Она сперва застегнула ворот, потом разжала кольцо своих ног, которым удерживала меня по всем правилам портерной борьбы, и лишь после этого поднялась на ноги.

– Не знаю кто как, – заявила она, – а я выпью. Будешь?

Не успел я рта открыть, как отозвалась брюнетка:

– Буду.

– И я за знакомство выпью, – из своего угла подала голос Яга, извлекая из-за комода ведерную бутылку, на три четверти заполненную мутной жидкостью, сивушный аромат которой просачивается даже через забитый в горлышко кукурузный початок. – Не каждый день ученицы из самого стольного града меня своим присутствием радуют. О-хо-хо... Ванюша, присоединишься?

Думаю, ответ очевиден.

Результат – тоже.

Да и последствия вполне закономерны...

Глава 7

Тяготы сказочного быта

Акул бояться – в шоу-бизнес не ходить.

Пословица

Проснулся я вечером. Уж темнеть начало.

Голова болит... слов нет, один стон.

Попытался приподняться, понял, что все еще штормит, да и действительность двоится.

Видимо хорошо посидели...

Рядом кто-то заворочался и прижался к моему плечу.

А вот это что-то новенькое. Не помню, чтобы ложился с кем-нибудь. Вообще не помню, как ложился. Как пили – помню. Смутно. А вот как спать ложился...

А интересно, кто рядом лежит? Светлана или Наталья? Светлана – это брюнетка с голубыми глазами. Наталья наоборот – блондинка с изумрудным взглядом. Так кто из них? Светлана? Мне больше хотелось бы этого, но и Наталья, что более вероятно с ее «ведьмовской» натурой, тоже потрясающе.

Улыбнувшись мыслям, я осторожно повернул голову и встретил взгляд блестящих черных глаз в обрамлении полностью заросшего лохматой бородой лица.

Кое-как справившись с потрясением, я просипел враз сев-

ШИМ ГОЛОСОМ:

– Ты кто?

Глаза недоуменно моргнули, и в бороде разверзся провал рта, откуда на меня повеяло мощным перегаром:

– А мы где?

Допился!

– Не знаю, где ты, а я у Я... я... Где мы?

Окружающая обстановка никак не вязалась с избушкой Бабы Яги. Начиная с серого неба над головой и заканчивая колючей соломой подо мной.

– Кто же я? – яростно поскреб бороду незнакомец. И только теперь я рассмотрел, что она у него довольно странного цвета. Местами бурая, с рыжеватым отливом, местами черная, а местами так и вовсе зеленая. Да и весь он какой-то заросший. Ни майки, ни рубашки на нем нет, да они ему и не нужны – шерсти на незнакомце больше, чем на ином медведе. Штаны ему тоже не нужны, а те, что все-таки ради приличия надеты, трудно назвать собственно штанами. Оборванные выше колен шорты из грубой домотканой ткани. Видок у него как... как у бомжа из курортного городка в пляжный сезон. – Ты не знаешь?

– Мы не знакомы, – довольно сухо ответил я, массируя ноющий затылок. Зачем я столько пил?..

– А вот ты мне кого-то напоминаешь... Должно быть знакомы. А если знакомы, ты должен знать, кто я. Знаешь?

– Нет.

– Подумай хорошо! Кто-то должен же знать...

– А леший его знает, – я отмахнулся от приставучего воло-
сатика, мучительно пытаюсь припомнить что-либо после то-
го момента, как я пил на брудершафт одновременно со Свет-
ланой и Натальей за заочное знакомство с Гришей. Помню
горячее дыхание у своего уха и мимолетный многообещаю-
щий поцелуй в щечку...

– Леший... Точно, леший! – захлопал в ладоши незнако-
мец.

– Что леший? – поморщился я от излишне громких зву-
ков. Здесь и так в голове гудит словно в трансформаторной
будке, а еще этот...

– Я – леший.

Прореагировать на это заявление я не успел. Поднявшись
на ноги, чтобы осмотреться и может быть сориентироваться
в местности, я почувствовал, как солома под ногами разо-
шлась. И сила земного притяжения со всей категоричностью
предъявила на меня свои права. Взмахнув руками, я полетел
вниз. Солома полетела за мной. Лучше бы наоборот. При-
земление вышло бы мягче.

А тут еще леший, которому почему-то в своей чаше не
сидится, на голову свалился. Вот тут-то соломка и пригоди-
лась. Он хоть и сам волосатый, что тебе игрушка плюшевая,
но и голова для меня более важная часть организма, нежели
та, на которую я приземлился. На счастье она не пострадала,
и поэтому хватило одного взгляда из-под волосатой пятки

лешего, чтобы определить собственное местонахождение.

– Кто это? – испуганно прошептал леший, проворно переползая под кровать, где попытался прикинуться половой тряпкой, забытой во время прошлогодней генеральной уборки.

– Гриша.

– К-какой Гриша? И почему он такой?..

– Не знаю.

И действительно, что означает эта боевая раскраска на его окаменевшем лице и мокрые портянки, вывешенные для просушки на правой руке братка, которую он словно специально вытянул вперед во всю длину.

– Сажа, – определил я, проведя пальцем по черной щеке Гриши. – Кто-то баловался. Нужно стереть, пока он каменный, а то придет в себя, такое устроит...

– Он каменный? – уточнил леший, высунув голову из-под кровати.

– Что-то вроде того. С этим колдовством никогда нельзя быть на сто процентов уверенным.

– А как же он ходит?

– Он в таком состоянии и не ходит. Но Яга обещала, что завтра-послезавтра окаменение пройдет, и он вновь станет человеком из плоти.

– Эх, – потянулся леший, выбравшись из своего укрытия. – Похмелиться бы... и можно по бабам.

– Похмелиться не проблема, – ответил я, указав на стол,

где сиротливо стояла бутылка с остатками мутного первача и деревянная тарелка со следами зубов на ободке и одиноким яблочным огрызком. Это я с девчатами, когда знакомиться с Гришей ходили, оставил ее здесь. Но вот боевая раскраска – это не наших рук дело. А тогда чьих? Не Бабы же Яги... – А вот как ты по бабам с такой рожей собрался...

– А чего с ней не так? – принялся ощупывать себя леший.

– Ты когда последний раз брился?

– Никогда.

– Вот! – я назидательно поднял указательный палец. – А туда же...

– Что же делать?

– Пей!

Нерешительно приняв наполненный до краев стакан, леший со страдальческой миной на лице опрокинул его содержимое в желудок.

– Ох и гарная, зараза! – крикнул он. Глазки лешего с устрашающей скоростью сошлись над переносицей.

– Видимо Яга ее на мухоморах настаивала. У нее это любимый гриб.

– А теперь по бабам? – потер руками леший.

– Опять?!

– А что?

– Пей, – я вылил в стакан остатки вонючей жидкости и пододвинул лешему.

– А ты?

– А я не хочу.

– Я уже тоже...

– А по бабам?

– По бабам... по бабам хочу.

– Вот видишь, а говоришь, что не хочешь. Пей.

Леший некоторое время изучал мутное содержимое стакана, собираясь с духом, затем решительно проглотил его и стукнул кулаком по колену:

– Я... Ик! ...решил!

– Что?

– Щас бреюсь и... и... Ик! ...по бабам.

– Куда тебе сейчас бриться, ты ведь пьяный.

– Я пьяный?! – возмутился леший. – Я... Ик! Трезвый как стеклышко.

– Конечно, трезвый, – я не стал спорить с окосевшей лесной нечистью, – сейчас баиньки, а утром, как проспишься, по бабам...

– А... Ик!

– Баиньки...

– Ба...

– Баиньки, – улыбнулся я и развернул лешего в направлении кровати.

Он некоторое время изучал ее с таким видом, словно видел впервые, затем залез под нее и спустя минуту оттуда донесся храп с присвистом.

При взгляде на опустевшую, но все еще «благоухающую»

бутыль, меня передернуло, и я решил выйти во двор. Подышать свежим воздухом.

Спустившись на первый этаж, я замер, привлеченный колдовским зеленым свечением огромной стеклянной сферы. Она лежит посреди стола, заставленного пустой посудой и недоеденной снедью. Склонившись над сферой, Баба Яга что-то пристально высматривает внутри нее, делая поглаживающие пассы в нескольких сантиметрах над светящейся поверхностью.

«Колдует» – сообразил я и, довольный своей догадливостью, крадучись двинулся во двор.

Предательски скрипнула под ногой доска, и я обернулся, чтобы посмотреть, не потревожил ли я Ягу. Вроде бы нет. Как сидела – так и сидит. Может, заснула? Она ведь пила больше нас всех вместе взятых. Все-таки многовековой опыт не заменишь ничем.

– А вот и наш Ванюша-сисадмин, – произнес нежный голос справа.

– Не спиться горемычному, – поддержал его не менее нежный голос слева.

– Как я погляжу, вам тоже, – отозвался я, не решаясь выпрямиться во весь рост. Неприятно, когда змеиные хвосты хлещут по щекам. А вдруг среди сушеных одна живая попадется? Брр...

– Решили воздухом подышать, – сообщила Наташа, если судить по более фигуристу силуэту. Как вы понимаете, в

темноте все девушки одинаковые. Уточню, дабы не прослыть нехорошим человеком. Цвета их волос не различишь, и поэтому непонятно – блондинка ли, брюнетка... или вообще рыжая.

– Я тоже, – признался я, потянувшись до хруста в косточках. – Но сперва прогуляюсь до кустиков, разомнусь.

– Не надо, – попыталась остановить меня Светлана. Но я уже сделал решительный шаг с крыльца на землю. Вернее, попытался сделать.

– Ой!

Со всей очевидностью я понял, что попытка неудачная в тот миг, когда нога не нашла опоры, а тело, продолжая начатое движение, перевернулось вниз головой, которой и вознамерилось встретить землю.

– Держи его! – воскликнула Светлана, вцепившись в мою ногу.

– Держу, – натужно сопя, просипела в ответ ее подруга.

– Не отпускайте меня, – попросил я, на манер маятника раскачиваясь вниз головой. – Земли не видно.

– Она ниже, – сообщили в один голос ученицы Яги.

– Не хотелось бы проверить – насколько... – намекнул я, пытаясь ухватиться руками хотя бы за что-нибудь. – И не щекочите меня.

– Могу отпустить, – обиделась Наталья.

– Нельзя, – укорила подругу Светлана.

– Еще как нельзя! – поддержал ее я. – Лучше тяните меня

обратно.

– Тяжелый какой...

– Эй! Вы с меня штаны стянули.

– Ой!

– Только не отпускайте! – испуганно воскликнул я. – И не хвата... Ай! Больно-о-о...

– Извини.

– Ты за что его схватила?

– Что под руку попало... я не виновата, он сам...

– И как?

Что ей ответила подружка, я не расслышал, поскольку мое внимание привлекли донесшиеся снизу странные жалобные звуки.

Избушка вздрогнула и качнулась из стороны в сторону.

Моя душа прыгнула в пятки, хотя согласно закону земного притяжения должна была ударить в мозг.

– Девочки! – раздался сверху пьяный голос. Узнавание его не добавило мне оптимизма – напротив, его обладатель в данный момент тот, кого я меньше всего хотел бы видеть. – А я поб... бр... брылся и по вам решил... а вы вот... Ик! О... уже пора штаны... Ик! ... спущать...

Светлана с Натальей, после минутной паузы ошарашенной тишины, взвизгнули и едва не выронили меня. За что им огромное спасибо. За то, что все же не выронили в этой экстремальной ситуации.

– Так! Замереть всем!!! – прогрохотало из избы.

Все замерли, лишь я слабо раскачивался из стороны в сторону.

Что-то стукнуло, где-то вдалеке гроыхнуло, и враз стало светло.

Сморгнув брызнувшие из глаз слезы, я узрел перед собой собачью конуру, с любопытством рассматривающую меня своими подслеповатыми оконцами из высланного соломенной пустотелого пня.

– Ох ты, прелесть какая! – всплеснула руками Баба Яга. Вылупилась наконец-то.

Эта «прелесть» хлопнула ставенками и клюнула меня прямо промеж глаз резным козырьком.

Бомс!

В голове словно лампочка взорвалась. Сознание, даже не попрощавшись, рвануло в недостижимые дали.

Глава 8

Первая весточка от Кощея

Из выражения мата не выкинешь.

Дядя Толя-сантехник

Открыв глаза, я некоторое время бессмысленно таращился на звездное небо, борясь с чувством дежавю. Вот сейчас кто-нибудь коснется плеча... никто не коснулся. Зато до слуха донеслись какие-то подозрительные шорохи и невнятное бормотание.

– Янки, гоу хоум...

Повернув голову, я обнаружил, что нахожусь в комнате. Только потолок располагается в углу, в виде небольшого стожка сена, а не сверху. Вот и не мешает ничто любопытной луне наблюдать за мной. Посреди комнаты в большой луже стоит памятником самому себе Гриша. Его каменная физиономия сияет чистотой и свежестью. На вытянутой руке висит ведро с водой, а ниже, раскачиваясь на страховочных ремнях, с ролью которых прекрасно справляются уже высохшие портянки, в поте лица трудится греmlin. Каждые несколько секунд макая тряпку в ведро, он вслед за этим принимается с остервенением драить каменную поверхность. При этом он немелодично, но с душой напевает какую-то дурацкую песенку из жизни гремлинов.

Когда бензина полон бак,
А за рулем сидит водила,
То значит будет все ништяк,
Мы покатаемся нехило.
Виа-а-а...
Движок ревет,
Дымит резина...
А рядом мелькнула иная картина...
Запорожец по паспорту тоже машина.
Мне искренне жалко его, господа!
Засунуть вам сердце в... (цензура) тогда,
Я посмотрел бы на это – о, да!
Как бегали б вы и туда, и сюда,
Виа-а-а...
Движок ревет,
Дымит резина...
Далеко позади осталась мучений картина...
Запорожец по паспорту тоже машина.

– Янки, гоу хоум! – перебив вокальные упражнения гремлина, принялся скандировать привязанный к ножке стола домовой. Да, самый настоящий домовой. Ибо никем другим этот крохотный рыжий человечек с бородой по пояс и с лохматыми как у сенбернара волосами быть не может. Сухонький, с непропорционально большими ладонями и ступнями

ног, он одет в овчинный тулуп мехом к голому телу.

Переведя дыхание, домовый вновь принялся выкрикивать:

– Янки, гоу хоум!

– И что здесь происходит? – поинтересовался я, потирая внушительных размеров шишку. Ох, головушка моя многострадальная...

Домовой испуганно замолчал. Судорожно дернувшись несколько раз, словно пытаясь убежать, он безвольно поник, опустив руки и голову и смирившись со своей судьбой.

Гремлин бросил мокрую тряпку в ведро и, повернувшись ко мне, радостно воскликнул:

– О!

– Что «о»?

– Очнулся, – пояснил Ушастый. – Я тут босса в презентабельный вид привожу, а то эта нечисть...

– Сам ты нечисть! – огрызнулся домовый, сверкнув глазами. – Невиданная.

– Совсем темный, – презрительно скривился гремлин.

– Это ты его привязал? – догадался я.

– Ес, – с гордостью подтвердил Ушастый. – Половину дня на него потратил. Ловушки по всему дому расставил. Мышей два десятка наловил, и даже одну сумасшедшую белку. Во! – гремлин продемонстрировал желудь, на нитке висящий на его шее. – Трофей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.